

Остров Капитана Большелапа

Глава 1

Удушливый штиль уже десять закатов кряду держал в своих жарких объятиях команду «Разящего», некогда славного морского драккара и всегда – предмета трепетной гордости капитана Данжила Крутихвоста, потомственного белки-морехода. Парус обвис безвольным куском тяжелой материи, а все не прекращающийся зной при полном и абсолютном безветрии подкосил гребцов не хуже моровой болезни. Вахты сменяли друг друга, но злые, усталые звери еле ворочали весла в лапах. Лишь предрассветные часы приносили некоторое, хоть и мимолетное, облегчение. Впрочем, больше всего непривычного к морской жизни зверя изводил просто непередаваемый набор запахов. Здесь витали ароматы рыбьих потрохов, соли и водорослей, подгнивших фруктов, корабельной смолы, давно не мытых звериных тел, пота и мускуса – все то, чем, как оказалось, способен пахнуть корабль с разношерстной командой, отправившись в долгое и непростое путешествие.

Но, наконец, на одиннадцатый день мучений повеял легкий, свежий ветерок. Он робко захлопал парусиной, прошелестел вдоль тщательно надраенной палубы и тронул, словно играя, роскошные усы боцмана Черноуса, речной ондатры (впрочем, многие несведущие звери с Юга путали его с бобром – очевидно, из-за комплекции и вследствие отсутствия знакомств с другими бобрами или ондатрами).

Черноус улыбнулся во всю ширину пасти, что с ним случалось часто. О боцмане «Разящего» говорили, что был он мудр не по годам, упитан не по харчам и весел без всяческого предела и повода (или же как раз таки по поводу вопреки – что часто становилось причиной кабацких баталий, в которых Черноус находил какое-то особенное удовольствие и к зависти прочих участников редко оказывался бит), но в этот раз улыбку боцмана можно было смело причислить к категории «опасно-радостных». Ондатр с ленцой прищурился, разглядывая причудливую игру пенных барашков на искрящейся в солнечных лучах морской глади.

– Нет, теперь только держись, да отплевывайся, – будто в продолжении разговора высказал он столь глубокомысленное соображение.

Статный мыш в зеленой тунике, что облокотился о борт на пару локтей левее Черноуса, искоса глянул на необычно трезвого боцмана. За неполные полтора сезона

(а именно столько длилось, как их совместное плавание, так и знакомство, перешедшее если не в дружбу, то по крайней мере в приятельство) мыш привык к манере товарища изъясняться так, чтобы всякий зверь нуждался в пояснениях, но сейчас разгадывать боцманские шарады желания не находилось. Ничего не ответив, мыш повел по ветру носом, смешно шевеля розовым кончиком с короткими еще усами. Очевидно, он просто наслаждался переменившейся погодой.

Черноус, однако, ничуть не обиделся и продолжил без намека на сожаление:

– Похлебку кокову можно даже и не нюхать, - проговорил он, по вечной привычке перенося ударение на последний слог, и звучно рассмеялся.

– Да что ее нюхать? – Мыш все-таки решил поддержать беседу и подыграл товарищу. «Последние дни», – думал он, – «корабль будто сделался меньше – и шагу не ступить, чтобы кому-то не помешать или во что-то не вляпаться, все устали от жары, бездействия и друг от друга.» – Хочешь морские водоросли в собственном соку с мелко рубленными рыбьими потрошками, а хочешь – рыбы головы в восхитительно полезных для всякого зверя водорослях! Хоть бы лимончиком сбрызнуть, а еще лучше залить брусничной подливкой...

Хитрость мыша была очевидна посвященным во внутренние взаимоотношения команды «Разящего». Худящая тень корабельного кока, необычайно тощего, болезненного вида бобра, который, впрочем, занимал и должность «лекаря-экспериментатора-самоучки-самовыдвиженца» уже некоторое время маячила на периферии.

– Лимон на корабле – спасенье от цинги! – тут же наставительно проскрипел бобер.

– Да чтоб тебе этот лимон между... – поймав веселый взгляд мыша и намеренно игнорируя возмущенное фырчание кока (у того слов на боцмана уже не находилось), Черноус миролюбиво закончил: – хм... между прочим каждый день есть.

– Он и так их каждый день едает! От цинги, поноса и запора, и «другой различной хвори», – засмеялся мыш, настроение которого на свежем воздухе становилось все лучше.

Черноус, как всякая ондатра, на дух не переносил лимоны необычайно любимые (как всякая гадость) коком-целителем. Вот и сейчас одно упоминание кислого цитруса заставило Черноуса сморщиться, но сбить себя с толку он не позволил:

– Я говорю: видишь то облако? Хо-хо! – Когтистый палец ткнул куда-то за горизонт, но мыш, как ни старался, не мог бы определить, чем примечательна едва наметившаяся дымка. – А теперь сюды погляди, ну! – Черноус с видом заправского фокусника указывал на небо прямо над их головами и сохранял на морде выражение трепетного ожидания.

В этот момент «ползущий» со скоростью морского огурца драккар стал лениво заворачивать в бок, а мыш подумал: «Опять что-ли зверь на рулевом весле заснул?..» , и уже хотел было признать полную некомпетентность в вопросе выявления взаимосвязи между формой облаков и запахами похлебки, но его спас от позора раздавшийся из-за спины Черноуса хриплый голос:

– Буря с запада идет, еще до рынды накроет. Боцман наш такие вещи чувствует.

Перст Черноуса Весельчака все еще указывал на легко крутящийся из стороны в сторону, будто не в силах определиться, флюгер – золоченую, раскрывшую крылья и вытянувшую непомерно длинную шею птицу. Пока еще движения той можно было принять за муки выбора, а не неистовый порыв бьющейся в агонии жертвы, но взгляды многих зверей остановились именно на ней.

Черноус согласно закивал на слова капитана и не преминул уточнить:

– Верно говоришь, капитан. Только вот склянки две – не сильно то и больше. А там самое веселье начнется. Ты, Мартин, – обратился Черноус уже к мышу, – поди совсем заскучал на нашем морском драконе, а? Думаешь, посудина стара, как мир? Хо-хо-хо! Не дрейфь, не развалится! А ну подъем, сонное царство!

Черноус довольно хлопнул в ладоши, потрепал мыша по плечу и принялся деловито поднимать команду – добрым словом и дружеским пинком. Драккар и правда с первого взгляда «дышал глубокой стариной». Впрочем, то же подтверждалось и при детальном

осмотре. Да, некогда грозный «Разящий» на своем веку повидал не мало и выбирался из бесчисленного множества передряг. Этим он был как две капли воды схож со своим капитаном.

Капитан Данжил Крутиховост, поджарая белка в чьей темно-серой шерсти можно было обнаружить не мало седины (если бы кто-то решил приглядеться), не раз бывал в переделках, грозящих вернейшей гибелью любому другому. Но то-ли судьба хранила капитана для чего-то особенно значительного, а может, капитан слишком сильно верил, что корабль – его талисман, а выбирались они, вместе, и из водоворота, и от морских стервятников, было дело, отбились, а по-молодости Крутиховост даже пиратов погонять успел. Тогда же он, еще не разменяв и двадцати сезонов и не сменив на посту прежнего капитана, своего дядю Динга Крутиховоста, первый раз лично вел «Разящий» через шторм. Но по какой-то причине именно сейчас, бросив суровый взгляд бывалого моряка на безобидную с виду полоску, у капитана возникла – и тут же морской змеей свилась в животе уверенность – не к добру это все.

Мыша по имени Мартин предстоящая пока еще не изведанная опасность буквально преобразила. От сонной расслабленности и апатии последних дней не осталось следа. Перед товарищами возник молодой воин, готовый сделать все от него зависящее в непростой ситуации – дело, как всегда, трудное, но тем и привычное. Мартин, как ему казалось, по-военному рьяно вытянулся перед капитаном, ожидая распоряжений.

«Молод», – думал Крутиховост, – «и потому горяч, нетерпелив и готов свернуть шею о первое попавшееся препятствие, которое даже не ему предназначалось. Даром что мышонок...» – Глаза старого моряка придирчиво оглядели мыша, – «И все таки хорош! Отправишь в трюм – так ведь не усидит все равно! Мышь – воин, кто бы мог подумать, что и такое доведется увидеть.»

– Вот что, Мартин, собери сухопутных, да обяжи каждого тем узлом, что я давеча показывал, – Крутиховост говорил размеренно и не громко, но постепенно в отчетливо проступившей тишине (будто само время застыло и звери даже дышать стали тише) голос его креп и становился все раскатистей. Вот уже весь корабль внимал капитану: – Дрейка-выдру и Омлока-барсука в пару к Мирку и Таку – на весла. Сам найди Селику – ваше дело слушать Бактока и за снастями смотреть. Остальные мыши, семейство ежей и мисс Чонк-Чакс – в трюм. Там ящики получше закрепить надо, чтоб не свалилось ничего.

Крутиховост прошелся перед растерянными, хмурыми, сосредоточенными, недоверчивыми и испуганными зверями, кому-то кивал, кого-то поощрял взглядом, а

перед ухмыляющейся круглолицей рожей боцмана едва удержался, чтоб не сплюнуть, но решил не портить общий настрой и продолжил:

– Вы звери морские и сухопутные, но я знаю каждого из вас и потому уверен: вы знаете, что сейчас наше дело – провести корабль через любую напасть, а ваше – не мешать нам в этом! И чтоб все угли потушили!

– П-а-а-а местам, зверье просоленное! – Гаркнул боцман и молодецки хлопнул по спине растерявшегося матроса, пробираясь на корму к румпелю, сменить вахтенного. Обветренная лапа привычно легла на отполированную до блеска рукоять – когда море было беспокойно, Черноус по старой традиции брал на себя обязанности рулевого.

Бакток, необычайно проворный суслик с рыжей (но несколько лысоватой и сваленной клочками, потому выглядящей не слишком опрятно) шерстью уже взял в оборот нашедшуюся возле котла кока Селику и активно жестикулируя разъяснял молодой белке название и назначение каждого из узлов. Несмотря на заметную хромоту, Бакток резво, но несколько суетливо перемещался по палубе и едва не подпрыгивал от энтузиазма. Тот легко передавался окружающим.

Мартин проворно завязал морской узел на выдающемся брюхе темно-серого барсука Омлока, бывшего пассажиром драккара и теперь хмуро и с некоторым недоверием сжимающим весло – последний из команды усилиями юркого мыша оказался надежно привязан к деревянному телу драккара.

А капитан Данжил Крутихвост на своем излюбленном месте на носу корабля, что венчал крылатый морской конек – символ потомственных мореходов Крутихвостов, с гордостью наблюдал за слаженной работой своей небольшой, но надежной, как саламандастронский механизм, команды. «И к кошкам дурные предчувствия!», – рассудил он.

Боцман Черноус оказался прав – и двух склянок не минуло, как буря настигла судно.

Примечания:

Рында – колокол на корабле. В него звонят по тревоге и с его помощью отмеряют время. Так же рындой принято называть полдень. «Еще до рынды» = «еще до полудня».

Склянками или банками на корабле отмеряют время после полудня (ударом в рынду). Их бьют раз в 30 минут. То есть, «не пройдет и двух банок» = «не пройдет и часа».

Драккар «Разящий» был построен пра-прадедом капитана Крутихвоста для охоты за речными пиратами-землеройками. Изначально это было одномачтовое боевое судно, легкое и с минимальной осадкой, что позволяло проходить даже по узким речным протокам, вплотную подходить к берегу, а при необходимости даже вытаскивать на него корабль силами команды. Единственная тонкая мачта крепилась к палубе, была съемной и часто убиралась перед боем. Длина драккара измерялась в белках и равнялась 15 белкам, ширина – 2,5 белки. «Разящий» имел 12 пар коротких весел – по одному гребцу на весло. И был способен перевозить до 64 белок, включая 24 гребца. Минимальная команда составляла 6 зверей, но в этом случае судно будет идти только за счет паруса.

Разумеется, подобная конструкция плохо подходила для перевозки грузов и длительных морских путешествий и после окончательного разгрома пиратов она претерпела существенные изменения. Осадка увеличилась, что позволило иметь почти-полноценный трюм, в котором при желании была возможность разместить часть экипажа и не габаритный груз (барсуку в таком трюме получится передвигаться только ползком, в то время как мышь сможет пройти согнувшись). Количество весел сократилось до 9 пар, но весла стали длиннее и теперь на каждое весло полагается по 2 гребца (или один барсук/другой крупный зверь). Палуба оборудована низкими скамьями, на которых гребцы и трудятся, и спят. В центральной части судна располагается складной навес – единственная защита от дождя или солнца. Мачта по-прежнему только одна, но она стала толще и крепится к килю, снять ее невозможно. Теперь это универсальное судно без особых удобств, пригодное как для перевозки грузов, так и для ограниченных боевых задач на море или полноводной реке. Быт моряков на «Разящем» скорее суров, а пассажиром захочет стать разве что любитель экстрим или бродяга с последним грошом в кармане.

На момент нашей истории команда «Разящего» состоит из 23 зверей, включая капитана. Большинство совмещает обязанности, как например боцман Черноус является еще и рулевым, а так же помощником капитана (хотя такой должности на

«Разящем» попросту нет), лоцман Бакток отвечает за парус и даже кок садится на весла. Несмотря на то, что в команде аж три барсука и один заяц (крупные звери, которые управляются с веслом в одиночку), «Разящему» не хватает гребцов и добрая половина весел не используется вовсе. Матросы гребут повахтенно и больше уповают на парус. Капитаны торговых судов в лучшем случае посмеиваются над трепетной привязанностью капитана Крутихвоста к «бесполезному раритету с неоднозначной конструкцией», но Крутихвост верит в своего «синего дракона» (стех пор, как драккар перешел к нынешнему капитану, его упорно красят в синий цвет).

В мгновение небо потемнело и первый порыв шквалистого ветра пришелся на левый борт. «Разящий» заскрипел недовольно, накрепился вправо и тут же получил предательской волной через борт. Гребцов окатило пенными брызгами и именно этот момент выбрала стихия, чтобы прорвать небеса сплошным потоком воды. Косые тяжелые струи подхватывал ветер, чтобы тут же залепить в лицо морякам со всех сторон – не отвернуться.

Мартин промок до нитки, как и все, кто остался на палубе сражаться с буйством стихии. Всякий раз, как их захлестывала очередная волна, он боялся, что сейчас его смоеет за борт, но впившаяся под ребра колкая веревка пока спасала мыша и команду – никого не поглотила темная бездна.

Но вот особенно коварный шквал сорвал впопыхах плохо закрепленную снасть, веревка лопнула, что-то оглушительно затрещало и завывания ветра перекрыл отчаянный свист. Тут же драккар потерял устойчивость и его протащило плашмя, правый борт ушел под воду вместе с гребцами. В этом страшном положении «Разящий» застыл на несколько долгих секунд и, наконец, тяжело, с надрывом стал подниматься. Но выровнять корабль полностью не удалось – пучина не желала так просто отпускать, казалось, побежденного пленника. Часть паруса вырвалась из заточения, вздулась под напором ветра и теперь тянула «морского дракона» вниз, к верной гибели.

Мартин не сразу понял, что случилось, даже сквозь завывания ветра его почти оглушил рев капитана (слов он не разобрал), только заметил отчаянный и смелый рывок Селики. Белка, прирожденный древолаз, споро карабкалась по веревочным вантам на рею. Мартин сжал зубы и вместе с Бактоком полез за Селикой. Теперь он балансировал на рее, обхватив мачту в своеобразных объятиях и крепко вцепившись обеими лапами в страховочную веревку Селики – белка отчаянно визжала всякий раз,

когда лапа оскальзывалась на мокрой снасти и мыш очень надеялся, что ему хватит сил удержать ее вес, если Селика сорвется. Но смелой белке везло – она упорно помогала Бактоку крепить пойманную веревку. Сеть вымокла и провисла, мачта заваливалась и иногда оказывалась в почти горизонтальном положении, ее то и дело захлестывало волнами, но вот уже тяжелая парусина прижата к рее и старый драккар воспрял из заточения, легко и лихо прорезал носом волну под радостные крики команды.

Сердце Мартина бешено колотилось, он даже не заметил, что и сам издает победный клич, вместе со всеми. В этот момент каждый был абсолютно уверен, что теперь они точно переживут бурю. Они справятся с чем угодно! И это просто замечательный корабль, не обманул капитан и не выжил еще из ума, когда говорил, что не может быть корабля вернее и надежнее.

Селика подползла к Мартину и с неожиданной силой вцепилась в мачту. Ее мокрая шерсть казалась почти черной в красках бури, дыхание было частым, а лапы горячими. Только сейчас, когда она оказалась так близко, Мартин увидел, что Селика зажмурилась и вся дрожит.

– Здесь очень высоко, да?.. – скорее угадал по губам, чем действительно услышал Мартин ее бесцветный голос. – Не знаю, как я вообще сюда забралась.

– Ты нас всех спасла, – попытался ободрить он ее. «Белка, которая боится высоты?» – Если бы ты сюда не залезла, корабль бы уже шел ко дну! Я помогу тебе спуститься. Просто держись за меня и ставь лапу вот сюда... хорошо, теперь перехвати здесь и давай вторую...

Мартин не был уверен, что Селика его слышит, но она как будто и не нуждалась в указаниях, скорее в простой поддержке друга. И он старался не обращать внимания на то, как сильно она вцепляется в его шерсть лапами с маленькими острыми коготками.

Ветер как будто стал дуть с меньшей яростью, по крайней мере у Мартина перестало закладывать уши. Они с Селикой спустились почти на половину пути, когда над кораблем вдруг появилась брешь в грозных кучевых облаках. Единственный тонкий луч солнца осветил палубу и раскрасил часть серого мира яркими красками. Эту картину Мартин запомнит на всю оставшуюся жизнь. Синий шелк туники капитана, алая повязка матроса, чья-то зеленая безрукавка, полосатые спины выделявшихся среди гребцов барсуков, даже круглая фигура ондатра-боцмана с высоты мачты

сделалась вдруг похожей на распушившегося хомяка; голубые глаза Селики и жемчужный браслет на ее руке, а внизу – драккар с золоченым морским коньком, как большая сороконожка, перебирающий веслами-лапами в ореоле искрящихся брызг.

И тут все исчезло. Мгновение умиротворения и надежды посреди бушующей стихии – оборвалось, распалось воспоминанием о тысяче преломленных в волнах бликах.

«Но... что это?» Мартину показалось, что он видел еще один огонек в волнах. Всего на мгновение, тот исчез раньше, чем он успел его рассмотреть. Мыш вгляделся в серую вздымающуюся волнами поверхность, жалея, что у него нет орлиного зрения. Точно! Вот опять появился блик. Не игра воображения и даже не солнечный лучик – корабль! Там, за стеной воды был еще один корабль! «Но почему его освещает огонек?..» - думал Мартин.

– Капитан! Капитан!! – заорал мыш в полный голос, сиюсья перекричать ветер. – Там корабль горит! Горит! Там корабль!

Его услышали, но, кажется, не поняли и Мартин начал активно указывать направление, где видел корабль и продолжал кричать. Селика тоже заметила оказавшееся меж двух стихий судно.

– Им надо помочь! Там пожар!

Терпящим бедствие повезло – их корабль был с наветренной стороны и «Разящий», стремящийся пересечь бурю, как раз шел почти в их сторону. Капитан Крутихвост и сам вскоре увидел зарево – начавшийся пожар быстро распространялся по неизвестному судну. Опытный моряк не переставал хмуриться. «Как можно было допустить подобное? Растяпы... Корабли часто горят именно тогда, когда никто не следит за углями и лампами».

– Нужно подать им знак, что мы идем. Пусть встанут на параллельный курс, – крикнул Крутихвост в ухо Мартину и они вместе принялись снимать доски с палубы, под

которой оказалась заваленная всяческими полезными вещицами ниша. К удивлению Мартина тут была даже пара ржавых гарпунов устрашающего вида. Но вот Крутихвост достал банку с живыми светлячками, такую, какая была у зверей в трюме.

– Отдай Бактоку. Не вздумай разбить! Разбить, говорю не вздумай! На-ка, привяжи к поясу...

Скользкая банка успешно перекочевала в жилистые лапы проворного сурка и Бакток с самого верха мачты принялся передавать сигналы на корабль. Вот он «рисует» в воздухе крест, а теперь отводит светящуюся банку вправо, потом вверх и снова все повторяется.

Бакток всматривался вдаль и увиденное его не радовало. Либо звери не видели сигналы, либо не могли расшифровать их. Кажется, корабль просто дрейфовал, мотаемый бурей. Теперь уже можно было лучше рассмотреть горящий корабль – это была двухпалубная галера с тремя мачтами и двумя рядами весел, расположенных друг над другом. Пламя уже лизало верхнюю палубу и охватило большую часть кормы. Бакток прикинул габариты и пришел к выводу, что галера должно быть раза в полтора-два превосходила их драккар в длину. «Но ведь там должно быть не меньше шести десятков зверей, как минимум – и где же они? Почему не пытаются грести? Все тушат пожар?»

«Разящий» подходил все ближе, капитан планировал подвести корабли борт о борт, но теперь стало очевидно, что неуправляемую галеру может просто впечатать в драккар и такого их корабль не перенесет. Запах гари, наконец, достиг чувствительных звериных носов и отвернуться от погибающих зверей теперь... было очень похоже на убийство. Зарево хорошо освещало палубу галеры и с «Разящего» стали видны множество черных точек. На галере тоже, наконец заметили драккар.

Суеверный Бакток вздохнул с облегчением. «Чего только не придет в голову моряку во время бури: корабли-призраки с командой-духами и прочие байки. Вот же – живые звери, теперь надо придумать, как же им помочь, чтоб не отправиться на дно самим?..»

Галера гибла и это было очевидно всем. Пламя уже вырывалось даже из весельных отверстий обоих ярусов – очевидно, там внутри царил сущий ад.

– Медленно, очень медленно подводим, подводим... – бубнил себе в усы Черноус, сжимая румпель и корректируя курс по знакам капитана.

– Правый борт по команде суши весла! Кошки готовы! – крикнул Крутихвост и добавил тише. – Сцепимся, как только их поднесет ближе.

Все понимали, что будет только одна попытка. Мартин изо всех сил держался за скользкий борт и сжимал в лапах кошку. Волны то и дело захлестывали мыша и тогда он чувствовал, что его задние лапы теряют опору. Но, как ни странно, мыш поймал себя на мысли, что перестал обращать на происходящее внимание. «Нужно держаться и помочь тем бедолагам», – думал он, отплевываясь от морской воды. Странно, что на «Разящем» оказались абордажные приспособления, но сейчас не время размышлять об этом. Он спросит капитана потом. «А, может, никогда не спрошу», – подсказал внутренний голосок, так похожий на ехидный голос сестренки.

Объятая пламенем галера, влекомая прямо на них, являла собой поистине грозное зрелище. Куда выше старого драккара, она возвышалась подобно айсбергу (а капитан Крутихвост видал и такое чудо на своем веку). И вот уже видна обшивка, снасти, из темных вод показался таранный шип, далекие фигурки на палубе начали приобретать вид зверей...

– Отворачивай!!! – во всю глотку заорал капитан Крутихвост. Вечно прищуренные глаза старого моряка расширились от ужасного понимания. – В лево, в лево бери!

Но было поздно. Словно угадав его мысли, звери на галере в последнем жесте отчаяния совершили то, что в других обстоятельствах стало бы самоубийством, но сейчас сделалось единственным шансом на спасение. Они раскрыли парус.

Наветренный шквал подхватил галеру и тяжеловесное судно в последние мгновения своего существования будто обрело крылья! Под вой беснующегося в ловушке едва выдерживающего паруса ветра, под ор сотен луженых глоток команды, пиратский корабль взвился над огромной волной и на какое-то мгновение завис на самом гребне, а затем ушел вниз. Раздался треск – борт галеры лишь чудом разминулся с бортом «Разящего», сминая весла и вырывая их скорбные обломки из тела драккара.

Огромные крысы, хорьки, ласки, горностаи – единой живой волной прыгали с борта галеры – на скользкие доски палубы драккара, в бушующие волны, цеплялись за борта, снасти... Тела зверей попадали меж обломков, кого-то притерло бортами, многих смывало волнами, но пираты не переставая орать намертво вцеплялись во все, что оказывалось под лапой, выныривали из волн и взбирались даже по веслам.

Мартин увидел перед собой жуткую морду корабельной крысы, зацепившейся за борт одной лапой. Во взгляде пирата было такое первобытное желание жить, чтомыш на мгновение замешкался, прежде чем отмахнуться от него... кошкой – тем единственным, что, как оказалось, все еще было у Мартина в лапе. Крысухватило и этого, он изо всех сил прынул вверх и не обращая внимания на боль, мокрыми когтистыми пальцами вцепился в случайное оружие Мартина и потянул на себя, желая влезть на корабль. Крыс боролся за жизнь, но не рассчитал силу рывка. Вместо того, чтобы влезть на корабль, он стащил мыша за борт.

Мартин не мог дышать, рот и нос мгновенно наполнила морская вода. Он не мог ничего разглядеть, не мог понять, где верх, а где низ и куда нужно грести. Он только понял, что болтается на страховочной веревке за бортом «Разящего». В задней лапе ощущалась боль и Мартин с каким-то совершенно неуместным удивлением отметил, что по ней... карабкается давешний пират! Словно для него чтомыш, что веревка!

И тут Мартина ударило боком о что-то большое и твердое – бок «Разящего»! Он заработал лапами, цепляясь за доски обшивки и смог вынырнуть, судорожно глотая драгоценный воздух. Теперь он попытался избавиться от пирата, но чертова крыса упорно перебирала лапами и цеплялась за него длинным хвостом. Пират был уже у мыша на спине, когда получил грубый удар обломком весла с палубы драккара. Мартин встретился глазами с Силикой. Храбрая белка уже второй раз за этот долгий день спасала его шкуру!

– Селика! – Мартину показалось, что он это прокричал, но на самом деле из его рта вырвался какой-то невнятный «бульк», потому что в следующий момент Мартин увидел, как падает единственная мачта драккара. Корабль закачался, грозя перевернуться и Мартина вновь поглотили волны.

В последний момент ему почудилось, что рядом с ним в безумной круговерти воды, обломков и тел промелькнул серый мех Селики... он попытался схватить ее, но не смог дотянуться. Мыш только надеялся, что он ошибся – рассмотреть что-то достоверно было едва ли возможно.

А потом Мартин почувствовал, как лопнула веревка.

Глава 2 (Интерлюдия Мартина)

Где-то в сердце кажущегося бескрайним моря дрейфовал одинокий зверь. Его шерсть слиплась от воды и высохла неряшливыми клокам. Зверь лежал поперек обломка, некогда бывшего частью мачты, и потихоньку сползал вперед - тогда мордочку омывало волнами. Чувствительный нос то и дело погружался в воду и из ноздрей шли забавные пузырьки. Так продолжалось некоторое время, но вот зверь не вовремя сделал вдох и мерное посапывание в такт тихим ласковым волнам сменилось паникой утопающего.

Пробуждение Мартина нельзя было назвать приятным. Даже не так, это было одно из самых неприятных пробуждений, за неполные двадцать два сезона его жизни. Он тонул! Вода была везде – в носу, в глотке, даже в ушах. Он попытался откашляться и схватить немного воздуха – одновременно, но ничего не получилось и горло сжало в жестокое спазме. На грудь как будто что-то давило, а под лапами была... пустота?! Мартин захрипел, задергался, распахнул глаза и... не увидел перед собой ничего, кроме темной воды и своих распухших лап, впившихся короткими коготками в деревяшку. В первые мгновения ему казалось, что в мире больше ничего не осталось, но скоро паника немного отступила, мыш огляделся и понял, как сильно ошибался. Легкие волны приподнимались в мерном ритме, верхушки их серебристыми бликами раскрашивала круглоликая луна. И звезды. Как же он сразу не заметил? Целая россыпь манящих точек на бархатном своде – лишь подними голову...

Вот «Северная корзинка», а вот «Барсук с чашей» – значит, север там, куда указывает «хвост» барсука. Только вот в какую сторону грести? Куда его могло забросить штормом? Все еще не до конца веря, что смог пережить буйство стихии (хотя, к добру ли это – кто знает?), Мартин прикинул направление ветра, их прежний курс и попытался припомнить карту с течениями. Выводы были неутешительны, если расчеты верны, его отнесло от известной земли так далеко, что на бревне и за месяц не доплывешь.

Делать нечего. Мартин покрепче ухватил свой «спасательный обломок» и заработал лапами, делая разворот. Если верить карте Крутихвоста, сейчас мыш должен был пересечь ее край и отправиться на встречу непознанному. Разве не этого он когда-то хотел? Станным же образом исполняются иной раз желания...

Луна светила мышу в спину и Мартин размеренно, но упорно, стараясь экономить силы и не сбивать дыхание, работал лапами, следуя серебристой дорожкой, любезно обозначенной на волнах. Голова немного кружилась и в правой нижней лапе чувствовалась неприятная пульсация. В целом, – отметил мыш, – все могло быть куда хуже. Он опять смотрел на звезды.

Отец всегда считал его безнадежным мечтателем и надеялся, что сын проведет жизнь у телескопа в окружении свитков и книг. Отец ничего не понимал в науках и сам был едва обучен грамоте, но он любил сына и хотел лучшего для него. Почему-то именно сейчас к Мартину как будто наяву пришли воспоминания о семье.

Вот фигура отца – серый коренастый мыш стоит спиной, в его руках ярко сверкает лезвие небольшого топорика. Взрослый мыш, умело орудует им, споро заготавливает дрова на зимний сезон, а двое диббунов смотрят во все глаза. На мордочке сестренки, совсем еще крошечной мышки, кулька одеял в руках брата – удивление сменяется восхищением. Первый раз она видит их отца за работой и теперь издает малопонятное пищание от переполняющих ее эмоций. Мартин помнил с какой гордостью держал тогда сестру и как отец обернулся к ним, отер лапой пот со лба и улыбнулся так, как только он и умел – будто солнце выглянуло из-за туч.

Они жили в маленьком домике в кроне старого вяза на юго-восточной границе Леса Цветущих Мхов. На юге в паре часов пути текла река Широкая. Иногда по ней проплывали плоты землероек или одинокие лодочки речных выдр, а выше по течению стояли две хатки бобров-плотников. Можно сказать, река была единственной ниточкой, связывающей мышиное семейство с остальным миром (и ниточкой весьма тонкой). Старый сорный лес, тронутый буреломом, бедный на ягоды, грибы и иную пищу, лишь далеко на западе светлел и становился проходимым. На востоке он граничил с крутым оврагом, а если посмотреть на север – увидишь топкое болото. Не самое удобное место для жизни, как ни посмотри, но тихое. Здесь все текло своим размеренным чередом, ни разбойные звери, ни случайные путники, ни даже птицы – никто не тревожил редких обитателей этакой глухомани.

Мартин улыбнулся. Они с Малинкой часто забирались на верхние ветви вяза и смотрели на небо. Он мечтал о летающих кораблях и показывал сестренке неказистые рисунки и чертежи, сделанные им на берестяной коре черничным соком. Малинка немного жалела, что нельзя рисовать чем-то менее вкусным, вдыхала запах ягод, но всякий раз внимательно рассматривала схематичных мышей, крутящих странные штуки – шестеренки с веревками, непонятным образом приводящие в движение большие маховые крылья.

«– А из чего они? – спрашивала она брата и он охотно пускался в разъяснения:

– Осенью и летом хорошо бы кленовыми листьями обшить – они красивые и гнутся хорошо. А вот зимой... зимой только дубовый лист подойдет – он самый прочный, тут уж не до красоты.

– Но можно привязать одуванчик! – подумав, выдала Малинка. – Тогда красиво станет.

– Где же ты его под снегом найдешь?

– А я нарисую! – смеялась она. – Пыльцовыми красками.

Брат обнимал сестру и они долго сидели так.

Мартин представлял, как они с Малинкой пролетают через вон то облако и собирают пушистую облачную шерсть, чтобы отдать далеким заморским друзьям, умеющим ткать особенную облачную пряжу, и тогда... тогда может быть не нужны будут воздушным кораблям крылья из листьев? Наверное, хорошо летать с крыльями из облаков... На таких крыльях можно очень высоко подняться – туда, где много солнечного света и потому очень жарко. Он найдет самых выносливых зверей, которые ничего не боятся, и станет их капитаном. А Малинку сделает штурманом. Они сплетут прочную сеть из ивовых веток и полетят ввысь – рыбачить на звезды. Ведь звезды так полезны в любом деле – они светятся сами по себе и ярче светлячков. Ими можно украшать дома, а если положить звезду в металлическое ведерко с куском зеркала на дне и прикрепить на нос корабля – звезда осветит им путь даже ночью! Вот это будет совсем здорово!

А Малинка мечтала, как к вязу пришвартуется корабль с нарисованными одуванчиками и она улетит на нем в путешествие к неведомым землям. Наверное, там будут жить дикие звери, говорящие загадками и носящие на головах колпаки из разноцветных лепестков. Мартин нарисует каждого встреченного ими зверя и получится целая книга. А когда они вернутся к отцу, то ему так понравятся рассказы и рисунки Мартина, что папа тоже захочет жить на корабле и они улетят все вместе –

искать новые интересные вещи и истории. И Мартин напишет целую уйму книг и подарит какой-нибудь... биб-ли-о-те-ке, вот!

– Мартин, а ты когда построишь такой корабль... возьмешь меня полетать?»

«Так странно устроена жизнь», – думал Мартин. – «Отец был когда-то настоящим воином, пока не женился на маме и не убрал в сундук боевые топоры. И меня тоже назвали в честь великого воина – наверное, в то время родители думали, что я вырасту похожим на него, ну или скорее на отца. А сестру назвали Малинкой – как любимую ягоду мамы. Должно быть, он горевал, когда она умерла родами. Нас обоих он очень любил, но мы с сестрой росли... В какой момент отец понял, что мне мало знать написание букв и уметь вести счет запасам? Что у нас всего одна книга с историей Саламандастрона и я наизусть ее знаю, а топоры даже держать правильно не научился?»

«Небольшой, крепко связанный плот покачиваясь медленно отходил от берега. Четверо ярких землероек в разноцветных повязках ловко управлялись с шестами и отталкивали свое плавсредство от илистого дна. Течение в этом месте было совсем медленным и неуверенно переминающийся посередине плота мышонок еще долго смотрел на удаляющиеся фигуры мышей – одну большую и одну маленькую.

Вот большой серый мыш положил руку на плечо все еще машущей вслед удаляющемуся плоту Малинке.

– Мартин, – закричала она, вспомнив кое-что важное, – Мартин, ты обещал взять меня штурвалом... нет, штурвалом на крылатый корабль! Я буду ждать, когда ты все выучишь и прилетишь за мной! На нашем месте, обещай мне!

У Мышонка совсем по-диббунски защипало в носу и он поспешил ответить, складывая рупором лапы, пока совсем не раскис:

– Обещаю, Малинка! Честное мышинское.

Отец и сестра остались на берегу, а Мартин принялся вертеть головой – со стороны реки привычные места выглядели немного иначе.

– Корабли не летают, – втащив на плот шест проскрипела землеройка в желтой повязке, – тебе следует об этом знать, чтобы не развеселить весь Рэдволл.

– Да, я знаю, – угрюмо подтвердил Мартин. И добавил тихо, когда землеройка отошла: – они пока еще не летают, потому что я не до конца все придумал.»

Конечно, ни на каком летающем корабле он тогда не вернулся. Все оказалось куда сложнее, чем в детских мечтах. Мартин провел в Рэдволле почти восемь сезонов, с трепетом стирая пыль с выцветших корешков, постигая науки и по мере сил помогая послушникам и аббатам. Честно сказать, ему нравилась новая жизнь и он все реже отправлял послания в родной дом.

Дважды отец навещал его в новом доме и они очень радушно общались, но... Мартин видел, что отец каждый раз в тайне надеялся, что сын попросится домой, а он не мог... просто не мог бросить то, что сделалось его жизнью и вернуться к старому вязу. Там остались диббунские мечты и тепло родного очага, но Мартин просто не видел там для себя никакой взрослой жизни. Это было так грустно, стыдно и смущающе, что он не мог смотреть в глаза отцу и в тайне радовался, когда тот уходил. Чтобы потом пол ночи реветь в подушку, ненавидя себя за эту радость.

Теперь он знал куда больше о звездах, изучая их через огромный медный телескоп с круглой выпуклой линзой (вообще-то она была не одна, внутри трубки располагалось еще несколько линз разного диаметра) и, конечно, понимал, что звезды не собрать ивовой сеткой. В келье, что он делил еще с двумя послушниками, тут и там стояло множество разных моделей летающих кораблей. Увы, ни одна из них не летала по-настоящему.

Молодой мыш тихо затворил за собой тяжелую дверь. Он не стал брать с собой ничего из чертежей, набросков и образцов... какой в этом смысл, если это все не работало? В его походном мешке лежала лишь туника и легкое одеяло, а так же запас нехитрой пищи для многодневного перехода. Шутка ли – в одиночку пересечь почти весь лес? Но трудности походной жизни не были тем, чего мыш боялся.

Мартин перебросил через стену загодя припрятанную веревку, последний раз окинул аббатский двор, мысленно прощаясь со всем, что стало так дорого его сердцу, и решительно перелез через зубцы.

Его путь лежал в далекие страны, но перед тем он заглянет к старому вязу и повидается со своей семьей.

На столе кельи, придавленная железной чернильницей, лежала записка и краешек ее трепетал на осеннем ветру.

Тогда он действительно вернулся домой и увидел, как серый коренастый мыш заготавливает дрова к зимнему сезону. В шерсти отца прибавилось седины, но лапы его все так же легко и непринужденно орудовали топором, с филигранной точностью вгоняя лезвие именно так, как планировал мыш.

Мартин всю дорогу придумывал, как сказать отцу, что он не останется на долго, но в этот раз ничего говорить не пришлось, отец в тот же вечер раскрыл перед сыном сундук с двумя боевыми топорами и помог подогнать под тощего и непривычного к броне Мартина свою старую экипировку.

– А что, хорош! – заключил он, придирчиво осматривая дело своих лап. – Ну-ка попрыгай, не звенит? Хорошо, хорошо! А завтра разбужу тебя на рассвете, пойдём до старых сосен – тренироваться.

Мартин чувствовал себя немного странно, но то, как лучились глаза отца он запомнил на всю жизнь. Наверное никогда, ни до, ни после, ему не приходилось видеть отца таким счастливым. Да и никто другой не мог похвастаться этим, разве что, возможно, их мама тоже знала мужа таким.

Мартин ушел через пол сезона, на этот раз попрощавшись, как полагается, с отцом, Малинкой и ее свеженазванным мужем. Как так получилось, что его бойкая маленькая сестренка вдруг превратилась в молодую мышку и, едва ей минуло шестнадцать сезонов, выскочила замуж за фермерского паренька – не понял никто.

«Отец всегда считал, что я стану книгочеем-отшельником, а сестра сбежит с каким-нибудь искателем приключений на край света. И вот ирония, Малинка вышла замуж за хорошего парня и живут они вместе в отцовском доме, а я, непутевый мечтатель-сын, затерялся в морях»

Светало. Мартин почти выбился из сил, несмотря на то, что старался их экономить. Он решил позволить себе короткий перерыв и устало прикрыл глаза. Но что-то странное привлекло его внимание. Вот уже не такая яркая в предшествующих рассвету красках звезда мигнула и погасла. Теперь вторая рядом с первой тоже как будто скрылась в темноте.

Мартин протер глаза и пригляделся. Точно! Там что-то есть! Корабль или земля? Звезды не гаснут сами по себе. И действительно, прошла всего пара минут и в первых утренних лучах восходящего солнца стало возможно различить очертания крутых темных скал, торчащих из воды, словно кости древнего чудища. А дальше... дальше левее скал легкой дымкой у самого горизонта проступала земля. «Остров! Там должен быть остров или я откушу себе хвост!»

Мартин со всех лап погреб в сторону спасительной твердой земли.

Глава 3

Мокрая белка дрожащим комком бессильно обвисла в лапах Черноуса. А вернее, поперек левой лапы – могучий ондатр легко удерживал легкое тельце Селики, и одновременно держался за хвост морского конька, коим оканчивалась корма весьма потрепанного драккара. Так продолжалось уже несколько долгих часов, но Черноус, казалось, не знал усталости.

Селика помнила лишь исполинские волны, и гребни их вздымались выше самых больших виденных ею деревьев, ее зятыгивало вниз и крутило в потоках темной воды, словно зернышко одуванчика в искрящейся горной реке. С одуванчиком это было весело. Она отчаянно боролась за каждый вдох, но силы таяли слишком быстро и намочшая шерсть тянула ко дну. Всякий раз, оказавшись на поверхности, она пыталась оглядеться и отыскать «Разящий», но драккар как будто исчез из этого мира. Ее окружали волны, редкие обломки (слишком мелкие, чтобы ухватиться за них) и звери – мертвые и живые, им всем в равной степени не было до нее дела. Хищники вцеплялись друг другу в шкуры, топили своих недавних товарищей в попытке отсрочить собственную гибель... и их поглощала голодная пучина. Селика и сама пыталась цепляться за все, что попадалось под лапы, но это ничем не могло ей помочь.

Очередная волна погребла ее под собой, рокот бури сделался глухим и отдаленным из-за толщи воды, сомкнувшейся над ней. Селика подумала, что нет смысла шевелить лапами – все равно это конец... Легкие разрывались от нехватки воздуха, изо рта у вырвались жалкие пузырьки, лапы жалко трепыхнулись в последней попытке выбраться и замерли. Сознание, вопреки всему, оставалось ясным и Селика с горечью думала, что вдали истории – никаких солнечных и печальных картин прошлой жизни не пронеслось перед глазами, ее последние мысли были не о семье, доме или даже случайных зверях. В последние мгновения она думала о том, какими же будут ее последние мысли? Так бессмысленно и глупо...

И провидение, а может, сам мир, словно откликнулся на мысли ничтожной печсинки, коей была одна белка в сравнении со всем сущим. Вот в недрах воды появился и пропал тусклый отблеск. Затем еще раз. Селика поймала его бессмысленным взглядом и душа ее словно смерзлась от ужаса.

Казалось, что может напугать умирающего и уже смирившегося со смертью зверя?

Прямо под ней был... корабль пиратов. Селика вдруг разглядела его с необычайной четкостью. Вот черные палубы, обглоданные огнем, сломанные весла, толстые мачты, рваные ванты и белесые призраки парусов, неровными клоками тянущиеся за

кораблем. Нос устремлен вниз, случайный отсвет отражается от золоченого узора на корме. Огромная, больше их драккара, – мертвая – галера без весел и парусов медленно и неотвратно шла единственным курсом – к морскому дну, в вечную тьму царства морского дьявола. Так умирают корабли и море становится им могилой. Селику подхватила эта властная губительная сила и потянула вслед за кораблем.

– «Нет-нет-нет-нет!», – раздался голос в ее сознании и паника будто сорвала оковы апатии и усталости. Селика не могла бы ответить, откуда у нее вдруг нашлись силы, но она закричала, не обращая внимания, что во рту была только вода, и отчаянно заработала лапами, в попытке оказаться как можно дальше от этого жуткого корабля-призрака. Внезапно что-то перехватило ее поперек туловища, мелькнул чей-то мех и Селику рвануло наверх – к свету, воздуху и жестокой борьбе за жизнь.

Селика все-таки успела потерять сознание и пришла в себя от того, что кто-то хлестко шлепал ее по щекам, затем в спину что-то ударило. И еще раз. Она захрипела, распахнула глаза и зашлась в жесточком кашле, отплевывая попавшую в легкие воду...

– Давай, давай, девонька, – басил над ухом знакомый голос. – Как занырнула-то, а! Еле достал тебя, белка-подводница. Тебе за жемчугами плавать надо, а не по лесам скакать!

Боцман Черноус, обычно такой грузный и неповоротливый на суше, в воде буквально преобразился. Как всякая ондатра, он отлично плавал, работая мускулистыми лапами и загребая массивным хвостом. Он уверенно подхватил Селику и обрывком страховочной веревки привязал к своему поясу.

Каким-то чудом они заметили «Разящий», шторм к тому времени начал утихать и им даже удалось добраться до корабля. Вот только радоваться оказалось рано. По доносящимся с палубы звуками не сложно было догадаться – на драккаре хозяйничали пираты.

И теперь Черноус и Селика, бултыхаясь по грудь в пенных волнах, цеплялись за изукрашенную резьбой корму. Они старались держаться в тени, чтобы стоящий у румпеля ласка не заметил неожиданных пассажиров, и прислушивались к происходящему наверху.

Пираты полностью захватили «Разящий». Часть команды была убита в ожесточенной, но быстро закончившейся схватке, а остальных привязали у обломка мачты под надзором двух дюжих корабельных крыс. Сюда же выволокли прятавшихся в трюме пассажиров: пожилую пару ежей с двумя внуками-диббунами, братьев-полевков Дорти и Ками и чопорного вида хомячиху мисс Чонкс-Чакс. Крысы скалили злые морды, хватались за развешанное на видных местах оружие и иногда с хлестким звуком били толстыми хвостами палубу – вызывая плач диббунов, взвизги мисс Чонкс-Чакс и раздражение вышагивающего по палубе хорька в некогда щегольском голубом камзоле. Иными словами, демонстрировали свирепость и кровожадность – как умели.

– У-у-и-и! – снова пронзительно завизжала Чонкс-Чакс и хорек едва успел зажать уши.

Терпение его лопнуло и он в один грациозный прыжок вдруг вырос перед пленниками и приставил блеснувшее на солнце острие короткого кинжала к горлу не в меру впечатлительной хомячихи. И без того круглые от природы темные глаза-бусинки мисс Чон-Чакс потрясенно уставились на хорька, потом плавно скозились на клинок, пухлые щеки задергались, из открытой пасти донеслось теперь уже робкое: «И-и-и...», но тут же стихло, стоило хорьку усилить нажим. На шерстке крикуньи выступила алая капля и тонким ручейком скатилась за ворот платья.

– Нет, ты будешь молчать, бесполезный комок шерсти, – начал он тихим, почти приятным голосом, без всякого намека на агрессию. Впрочем, слова хищника резко контрастировали с интонациями. – А иначе я заткну тебя раз и навсегда и выкину за борт, понятно?

Потрясенная хомячиха, казалось, не могла даже кивнуть, только испуганно хлопала глазами и тряслась все сильнее. «Эдак она сама себе горло перережет», – с усталым безразличием отметил хорек и отвел острие подальше от этого... существа. Назвать жирное, трясущееся нечто зверем было, по мнению хорька оскорбительно по отношению к прочим зверям.

Вальс, а именно так звали хорька, никогда не мог понять смысла существования таких особей, как эта Чонкс-Чакс. Неспособная приспособливаться к ситуации, она была слишком глупа, чтобы выжить самостоятельно, слишком ленива и прожорлива, чтобы научиться сражаться и вообще виделась хорьку остаточным придатком эволюции. Когда хищники вступили на новую ступень развития – не все, впрочем...(тут взгляд

хорька уперся в одну из крыс) – и отказались от поедания разумных видов, образовалась прослойка более не нужных в эволюционных механизмах существ. Угроза со стороны хищников уменьшилась, но существа не нашли себе никакого более высокого применения и следовали старой схеме – жрать и размножаться, чтобы обеспечить хищников обилием легко добываемой пищи.

«Какой в них смысл теперь?», – думал хорек, – «Из таких не получится даже хорошего раба – слишком слабые, слишком бесполезные. Они отнимают пищу у тех, кто выше их и стал чем-то большим, чем просто куском визжащего мяса». Вальс был еще совсем молодым зверем, лишь два сезона назад сменившим щенячью маску на полноценный взрослый окрас и теперь щеголял ей не меньше, чем темной блестящей шерстью, уходящей в черноту на лапах и спине до кончика хвоста. В отличие от большинства пиратов, он не смотрел свысока на представителей мирных профессий и не делал такого уж серьезного отличия между хищником и мирняком. Если и тот, и другой в его глазах смогли подняться над первобытными предками.

Вальс бросил быстрый косой взгляд на нос драккара, где неподвижно застыла в задумчивом созерцании фигура их вожака. Тот стоял, уперев согнутую в колене лапу в холку резного крылатого конька и держал того за крыло. Взгляд вожака был устремлен к горизонту и, казалось, ему нет дела до возни подчиненных.

Вообще-то, никто не назначал Вальса главным по палубе, он даже не был офицером на «Бешеной Арабелле» ныне покойного капитана Гартока Лютого. И, честно сказать, когда их нынешний лидер поднял бунт, Вальс сражался за Гартока. Просто как-то так получилось, что стоило «Арабелле» пойти ко дну, вместе со своим капитаном, это перестало иметь значение. Вальс был пиратом и вместе с остальными пиратами захватывал этот драккар для Лэнса Хвостодера. Ныне... капитана Лэнса Хвостодера. Тот принял, как должное, подчинение и службу Вальса, но... Лэнс был крысом, который привел на «Бешеную Арабеллу» верных только ему зверей. И некоторые из них сейчас были здесь. Предприимчивый хорек видел в этом опасность своего положения, но в то же время возможность – шанс доказать, что именно он должен стать доверенным лицом капитана.

– А вы, – хорек поочередно указал смехотворно коротким по сравнению с тесаками, висящими у крыс на поясах, кинжалом на каждого из охранников, – на носу себе зарубите, будете махать хвостами без повода – я вам их пооборву.

Вальс окинул презрительным взглядом крыс и медленно отвернулся. Он знал, что сейчас будет, но, как всегда, давал существам шанс удивить его. Увы, чуда не

произошло – хорек спиной уловил замах и раньше, чем раздался щелчок хвоста повернулся и легко метнул свой кинжал. Клинок попал точно в цель – дюжий крыс оглушающе возопил на всю палубу, резко укоротившийся хвост его метался из стороны в сторону, орошая все вокруг легким облаком кровавых брызг.

Пираты загалдели, кто то готов был броситься на Вальса, а кто, наоборот, смотрел одобрительно, одни злорадствовали, другие недовольно зыркали... Вальс весь распушился от возбуждения и приготовился к драке. Офицер или труп? – но пусть капитан видит, что только он способен поддерживать порядок.

Крик крыса вдруг прекратился, сменившись задушенным хрипом. Лэнс Хвостодер недобро обводил жгучим взглядом присутствующих, а хвост его легко сжимал горло пострадавшей крысы.

– Так, так, так... Что здесь у нас? – спросил он глубоким бархатным баритоном. – Все, не ори, – коротко бросил вожак крысу, лишившемуся части хвоста, и дождавшись слабого кивка отпустил бедолагу. Тот тут же принялся баюкать в лапах обрубок.

Лэнс нагнулся и вытянул из дощатого борта кинжал Вальса со все еще висящей на тонкой полоске кожи частью хвоста. В этот момент из трюма вылез дородный ласка и буднично отрапортовал:

– Капитан, из жрачки: две бочки моркови, мешок зерна – мокрый весь, сушить надо, шесть корзин с фруктами, две бочки с моллюсками, одна медуза...

– Эт-т-о Сфик! – раздался с кормы отчаянный окрик повара-целителя, которого не успели вовремя остановить. – Он – не еда, а питомец... – потерянно закончил бобер и по кораблю прокатилась волна ржача, впрочем, быстро сошедшая на нет под взглядом капитана.

–...одна медуза в банке, – как ни в чем не бывало продолжил ласка, – две свежие рыбины, один бочонок меда, корзина лимонов, ну и моток водорослей еще. Это все, Лэнс, больше ничего нет. Разве что хвост Когтегрыза с морковкой сварить можно, – кивнул ласка на лэнсов «трофей».

Когтегрыз погрозил ласке кулаком, но тот лишь плечами пожал, не проявив должной обеспокоенности, равно как и сочувствия. Вальс решил, что пора брать судьбу в лапы:

– Капитан, я навел порядок на палубе. Когтегрыз с Вислоухом – болваны, не знают когда придержать хвосты. Диббуны ревели, жирдяйка визжала – всем по мозгам и толку никакого нет.

– Ага, ага... – покивал Лэнс и изобразив радушие приобнял мелкого по сравнению с ним хорька за плечи. – Наверное надо повесить Вальса, а зверье морское?! – крикнул Хвостодер на всю палубу, – Он же такой молодец, хомячиху заткнул. Она что, Вальс, громче Когтегрыза орала?! – рявкнул он в ухо хорьку и оттолкнул того от себя.

Когтегрыз довольно осклабился, предвкушая расправу над Вальсом, но Лэнс уже буравил его и Вислоуха тяжелым взглядом.

– А вы, недоумки, спасибо Вальсу скажите – он вас предупредил, считайте, потому что в следующий раз я вам не хвосты, а бошки дурные отрежу, все равно вы ими только жрете. При том больше, чем сами стоите.

Влепив напоследок – для лучшего понимания – оплеуху хвостом Вислоуху, Лэнс перешел к осмотру пленников. Диббуны его не интересовали, равно как и свалившаяся в обморок мисс Чонкс-Чакс, полевки заслужили лишь презрительную гримасу, на коке взгляд задержался несколько дольше.

– Ты кто, любитель медуз, исследователь-подводник или зоолог-энтузиаст? – хмыкнул Лэнс почти даже благосклонно. Но для не привычного к пиратскому обществу мирного зверя весь его облик внушал страх, граничащий с ужасом.

Взять хотя бы массивную кожаную перевязь со множеством мелких кармашков, крестом пересекающую могучую грудь крупного морского крыса. У пояса на перевязи были закреплены короткие парные сабли с широким изогнутым лезвием и тонкий кинжал с крупным камнем на гарде. Лэнс Хвостодер был из той категории зверей, кого называют «зверь без возраста». По облику его сложно было сказать, разменял он двадцатый или сороковой сезон. В его темно-коричневой шерсти не было заметно седины, а взгляд был острым и часто разгорался искренним интересом к самым обыденным, для иного зверя, вещам. Таковой стала и медуза по кличке Сфик – Лэнсу

было интересно узнать, для чего кому-то понадобилось заводить столь странного питомца.

– Я... э-э-эм... Доходяга я, – растерялся под взглядом пирата бобер.

– Вижу, что доходяга, – развеселился Лэнс и приподнял Доходягу за грудки лапой.

– Это наш лекарь... капитан, – проскрежетал с явной заминкой голос Крутихвоста снизу. Тот сидел на палубе, не делая попыток подняться, и смотрел прямо перед собой – сквозь пиратского капитана. Лицо Крутихвоста при этом ничего не выражало, но связанные за спиной лапы до боли сжались в кулаки. – А меня зовут Хмелеус, я был коком на судне. Могу и вам... чего-нибудь отварить. Даже из хвоста.

Лэнс отпустил Доходягу и некоторое время придирчиво рассматривал Крутихвоста. Что-то в облике старого белки его настораживало, а ощущениям своим Лэнс привык доверять. Остальная бывшая команда драккара не вызывала у Лэнса вопросов, они... вписывались в привычные рамки. Лэнс решил, что все дело в том, что белка его не боялся. Он его... словно ненавидел. Ненавидел люто, на столько, что едва сдерживался, чтобы не вцепиться в горло зубами. Лэнс был уверен, что никогда не встречал Хмелеуса и не мог припомнить никого с таким именем. Да и в самом белке не было признаков... узнавания, он не пытался рассматривать пирата, не цеплялся взглядом за некие узнаваемые детали, приметы, будто ему и не было дела до Лэнса лично – тем занятнее была его реакция. Некоторое время Лэнс раздумывал, не выкинуть-ли занятого, но опасного чудака за борт, но решил повременить – разгадать секрет белки было куда интереснее, чем избавиться от него.

– Что-ж, кок у меня и свой есть, так что придется тебе, Хмелеус, продемонстрировать таланты в деле попроще. Справишься?, – подмигнул он Крутихвосту.

– Если надо, справлюсь... капитан.

– Какой вежливый! Отлично, отлично... Высколил ваш прошлый капитан команду. Кстати, где он? – Внимательные глаза крыса не упустили ни единой детали. Вот братья-мыши испуганно жмутся друг к другу и отводят взгляд, а вот любитель медуз нервно косится на бывшего кока, вот выдра-гребец топорщит усы... и слово вновь берет Хмелеус. Занятно.

– Он погиб, – проскрежетал белка и отвернулся.

– Правда? И кем же он был?

– Он был барсуком. Такой... большой и полосатый, – начал пояснять Крутихвост, не слишком пытаясь скрыть издевательские интонации.

– А, точно! Ну, конечно, барсуки – это такие черно-белые собаки. Да ты мне глаза открыл, Хмелеус. Наверное это был один из тех барсуков, вместе с которыми ты валил мачту, да?

Тут Крутихвост не выдержал и впервые посмотрел в глаза крысу. «Ну точно, не боится», - подумал Лэнс, ощущая всю тяжесть взгляда. Но решил не портить игру и не подал вида.

– Именно так. Когда приказывает полоумный барсук – остается лишь подчиниться. Я кок, капитан, а не бравый боевой заяц. Не по рангу мне с капитаном спорить.

Лэнс только хмыкнул на это и оставил мысли при себе. Попытку затопить корабль он оценил и в авторстве идеи был теперь более чем уверен. Тогда хищникам удалось восстановить остойчивость, вовремя избавившись и от мачты, и от части лишних зверей. Но беда была близко – это капитан понимал.

Солнце уже начало клониться на запад, что по крайней мере позволило сделать некоторые выводы о направлении. Первичный ремонт его нового корабля был, можно сказать, завершен – хищникам удалось восстановить румпель и приладить к нему весло. Не поврежденные весла так же распределили между бортами и, в целом, драккар уже мог довольно споро передвигаться. Конечно, следовало найти новую мачту и увеличить количество весел – тогда эта лихая птичка полетит, а пока... Он дернул хвостом и принялся раздавать указания только этого и ждущей команде:

– Слушай сюда, недорезки несчастные! Этих, – когтистый палец указал на более-менее способных грести членов бывшей команды «Разящего», а так же старого

ежа и братьев-мышей, – на весла. Держи курс прямиком на закат. Вислоух, ты хоть и глухой на одно ухо, а чувство ритма у тебя всегда было, что надо. На тебе «барабаны» – ищи где хочешь, бей чем угодно – мне плевать, что здесь нет барабана, кретин!

«Все-таки самые живучие и удачливые – не всегда означает «самые умные», к сожалению.»

– Вальс, пронира ты мелкая, отвечаешь за наших новых гребцов и за их драгоценных друзей. Понятно тебе? Шкуру спущу, если кто орать будет не по делу. Когтегрыз, дружище, не зыркай так. Он со зверьем обращаться умеет, в отличии от тебя, – голос Лэнса Хвостодера был – сущий мед. Он потрепал по плечу подчиненного. – А ты... иди порыбачь. Вот как раз и наживка имеется.

Ошметок хвоста соскользнул с кинжала Вальса, что все еще держал капитан, шлепнулся в дрожащие лапы Когтегрыза и тот понуро поплелся к борту – спорить с вожаком он бы никогда не решился. Когтегрыз был благодарен ласке Бугаю, вылезшему из трюма с удочкой и после нескольких провальных попыток самого Когтегрыза, вырвавшем у него крючок и «наживку» и помогшем насадить одно на другое.

Закидывая собственный хвост в море Когтегрыз всхлипнул всего раз.

Пришедшая в себя мисс Чонкс-Чакс обнимала диббунов и все время приговаривала:

– Нет, ну какой невоспитанный молодой зверь... пират, грубый пират... «Бесполезный комок шерсти» – так он меня назвал... Какой ужас, какой ужас... Но не бойтесь, детки, я вас одних не оставлю, – тут она тихо всхлипнула, вытерла платочком глаза себе и ежатам и раскрыла над диббунами свой дамский кружевной зонтик, – я о вас позабочусь.

– Зачем?.. – одними губами прошептала Селика и обдумывающий план спасательной операции Черноус понял, что та имела в виду.

– Понимаешь, девонька, капитан скорее сам пустит ко дну «Разящий», чем отдаст его пиратам. Такой уж у нашего Крутихвоста нрав, – добавил он, и не было понятно, согласен ли сам Черноус с решением капитана.

Когда на «Разящем» завязалась ожесточенная битва, Черноус на какое-то время потерял из виду и капитана, и остальную команду. Мир сузился до пределов кормы, оскаленных морд хищников, шквалов волн и двух коротких клинков в руках. Молодецким ударом задней лапы грозный ондатр отправил рычаг румпеля напрямиком в живот ближайшего хорька – тот согнулся попалам и тут же получил удар тяжелой рукояткой по голове.

– Прости, приятель, – боцман рассмеялся и обмякшего хорька тотчас снесло волной, – надеюсь, никогда не свидимся!

Но место хорька и не думало пустовать – две ласки спрыгнули с вант и через борт тоже кто-то карабкался. Черноус, радостно заорал немудреную кабачкую песенку, щедро приправляя ее отборными ругательствами, и двинулся на очередного врага. Распушившийся от воды ондатр был похож на хомяка-переростка – такой же круглый и комичный с двумя клинками в лапах. Однако, двигался он с необычайным проворством. Казалось, его лапы даже успевают приплясывать по мокрой палубе, в то время, как он насаживал на клинок очередное тело и орал во всю глотку:

– «Э-гей, э-ге-гей, пива мне налей! Ты, красотка», – пинок под хвост отправил зазевавшуюся крысу валяться у борта, – «не робей», – теперь лихой ондатр подпрыгнул, не сбившись с ритма, и с разворота подсек хвостом ноги сразу троих противников – двое покатались по палубе, но один успел отпрянуть, – «танцевать нам до утра», – впрочем, пирату это не сильно помогло – еще в полете клинок боцмана срезал ему половину уха, а через секунду второй рассек брюхо, – «будет веселей! Хей!»

И в тот момент, когда Черноус закончил куплет, он отчетливо понял две вещи. Как водится, одна была хорошей, вторая – хуже. Хорошей новостью стало обилие свеженьких, мокреньких, готовых «танцевать» хоть до вечерних лучей пиратов на палубе – только бей! Плохая же состояла в том, что Крутихвост, очевидно, тоже

оценил превосходящие силы хищников и теперь беззвучно (расслышать слова помешал налетевший шквал) орал что-то паре барсуков, указывая на мачту.

Черноус зазевался на долю мгновения и получил укол пижонской саблей в плечо. Но не это взволновало бывалого морехода. Взгляд его упал на мачту, потом на надвигающуюся волну, вернулся к капитану.

– Упс, – заключил Черноус, только и успев заметить, как Крутихвост оскалился, отпихнул с дороги собственного матроса и ринулся помогать барсукам. Те навалились всем весом и...

Черноус заорал во всю глотку что-то вроде: «Не надо! Отставить, дурни полосатые!», но крик его потонул в окружающем гвалте, к которому – с отчаянием понял Черноус – прибавился надсадный треск ломающегося дерева.

Дальше все произошло очень быстро. «Разящий» лег на борт и его накрыло чудовищной силы волной. Направления вдруг сместились и Черноус оказался под кораблем, продолжая ругаться – теперь уже мысленно. Страховочная веревка намоталась на то, что осталось от рулевого весла и Черноус собирался ее перерезать, как вдруг его огрело по спине куском мачты. В глазах потемнело и он выпустил из лап клинки.

Весло отломилось и ондатра поволокло прочь от корабля.

– Но как же команда? – все еще не могла понять Селика. Крутихвост казался ей хорошим капитаном, он... заботился о своих зверях, хоть за грубоватыми моряцкими привычками она, жительница суши, не сразу это разглядела. Но когда поняла – капитан стал для нее чем-то вроде ориентира, зверем, на которого стоит равняться. А еще он тоже был белкой. И Селика даже себе не признавалась, что от этого весьма малого связующего факта, ее хвост пушился сильнее, а плечи гордо расправлялись. Он был хорошим зверем... и белочку мучила необъяснимая обида. Как он мог хотеть всех их погубить?..

Черноус лишь мысленно вздохнул, с грустью отметив наивность еще слишком молодой подруги. Но решил, что раз они теперь – одной веревкой вязаны, хуже от

правды не будет и принялся за рассказ. Время у них было, почему бы и не занять его историей капитана?

– Тут личного много, – предупредил он Селику. – С капитаном сошлись мы еще сезонов тридцать назад, когда никаким таким важным званием он ни обладал. И друзьями стали – хо-хо! – с первой кабацкой драки! Как он тогда хорохорился – не передать словами. Они с приятелем моим, Белолапом – волна ему пухом – не поделили чего-то. Так этот тощий белка на стол залез, хвостярой крутит, чегой-то там про деда своего твердит. Я ему и говорю: «Махалку-пометушку свою убери, а то ведь как в баранку скручу – никто не расправит, будешь и правда крутихвостым по жизни жить – зверей смешить!» А он мне, значит, отвечает: «Не скрутишь, крыса ты водяная так-растак, я – настоящий просоленный зверь, а ты – трындеть только и умеешь». И ка-а-ак хвостом мне по морде махнет! Мы тогда знатно повеселились, да уж. Вот времечко было! С тех пор и дружба у нас пошла – не разлей вода.

Черноус примолк ненадолго, собираясь с мыслями и улыбка его несколько померкла.

– У Крутихвоста нашего сынишка был, шустрый малый – весь в папашу пошел, как нам тогда казалось. В пятнадцать сезонов уже с нами до дальних островов ходил. Да только мамка его все отпускать в походы опасалась, говорила: «Нежная у него душа, а вы не видите ничего». Права она была, но чего уж сейчас? Сайком его звали. И только совершеннолетие справил, встретил Сайк Казлану – красивая белочка была, не из наших – откуда-то с Южных земель. Женился сразу, с отцовского корабля ушел на торговый баркас Хромого Токка – тот не плавал далеко, торговал потихоньку, не лез никуда. И вот взбрестило этому Токку поплыть в Южноземье! Всегда спокойный такой, рассудительный, а тут... встретил в баре лиса-торговца (вот ведь дурень набитый! Кто ж лисам верит), он ему водорослей-то на уши от души навешал. Мол, в Южных землях потоп давеча был, грязи в море нанесло – ни рыбешки не словишь, ушла вся. Ежели кто привез бы – втридорого бы купили, там рыбу страсть, как любят. А если еще и жемчугов перекупить у ныряльщиков – вдесятеро обернется. Только трепаться о том нельзя, торговцы – народ ушлый, каждый захочет в свой карман наварить, да только не выйдет – цену собьют. Тьфу. Токк наслушался гнилых речей, да трюмы рыбой набил, дом за жемчуг продал и в Южноземье подался, а лиса с собой взял, как проводника... за процентик малый. Как же-как же, не перевелись еще дурни, что на земле, что на море.

Селика слушала, затаив дыхание, а Черноус все рассказывал:

– Каэлана, узнала, что Сайк в ее родные края плывет, сразу с ними решила отправиться – родичей повидать. Мы тогда в морях были, не знали ничего. Токк ведь на что дурень, а собрал своих быстро – все выгоду упустить боялся, чтобы не опередил его кто. Ну и... получил сполна, и лисов процентик тоже. Нашли потом его с распоротым брюхом – не подошел пиратам такой толстяк для раба галерного. Лис их в бухточку укромную привел, там-то их и взяли тепленькими, никто и не понял, откуда пираты взялись.

– А дальше что было? С Сайком и Каэланой?

– А дальше, девонька, мы как вернулись, так по их маршруту пошли, спрашивали у зверей, следы искали. Да только Токка-дурака и нашли, а потом и то, что от баркаса осталось – пиратам он не сильно-то и сдался, они что надо взяли, а посудину притопили. И словно не было их. Капитан места себе найти не мог, гонял «Разящий» пол сезона по побережью, про лиса везде спрашивал, про корабли незнакомые, про сына своего, про жемчуг даже – да все без толку. Запил он сильно в то время, но потом вдруг отчнулся словно, в лапы себя взял, нас собрал и говорит: «Спасибо, что не оставили, все понимаю – виноват перед командой. Но от дела своего я отступить не могу, кто со мной не готов идти – пойму. Да только не торговец я больше, а вы сами за себя решайте». А чего думать-то? Кто-то и сошел на берег, да большая часть с капитаном осталась. Моряки мы, что мы – кошку да саблю в лапу не возьмем, пиратов побоимся? С тех пор-то «Разящий» по морям пиратов разыскивал. И топили, еще как топили, уж поверь, девонька! Хо-хо. Эта братия лихая только на морду страшна, а как возьмешься за них хорошенько, так сразу каждый сам за свою шкуру дрожит. А мы не командой, мы братьями были. И по Восточному, и по Западному морям ходили. Ты не удивляйся, драккар у нас что надо, без груза по любой реке взберется.

Черноус помолчал, вспоминая былые времена.

– Из той команды только я, капитан, да Бакток остались. Далече наши братья... да уж. Кто в Темном Лесу гуляет, кого на берег списать пришлось, а кто сам ушел... Так вот, мы как в Восточные воды пришли, капитан велел «Разящий» в бухте укрыть, мы же вдоль побережья на малых лодченках по трое-четверо зверей в разные стороны поплыли. Заворачивали в селения, в тавернах сидели, на зверье смотрели. Теперь-то мы ученые, братию пиратскую за версту видно, если знать, на что смотреть. Так и встретили того самого лиса, он про клады морские богатеньким юнцам заливал. Ну и... поговорили с ним, узнали, что работал он тогда с пиратским капитаном Каргашем Сиплым, что лис заманил баркас Токка и сон-траву часовым в суп подсыпал. Каргашева свора даже корабль свой заводить в бухту не стала – перекрыли выход и вплавь до баркаса добрались. Там часовых перерезали, команду спящую повязали, Токка за борт выкинули и тихо уплыли. Сынишка Крутихвостов молодой и сильный

зверь был, его к веслу приковали, как остальных рабов на каргашевой посудине. А жена Сайка, Каэлана... в общем, она Каргашу глянулась, он ее наложницей захотел сделать.

– Но как же это? – неподдельно удивилась Селика. – Разве Каргаш был белкой?

– Да какой белкой? Нет, конечно! – возмутился такому предположению Черноус. – Скажешь тоже, нырятьщица... Горностаи он был паршивый, да плешивый. С драной по молодости глоткой – оттого и сипел, – прибавил он зачем-то. – Это для семьи, да любви важно, чтобы звери одного вида были, а для мерзости всякой – и так сойдет.

При других обстоятельствах Селика бы точно уже покраснела, но сейчас ее слишком волновала судьба Каэланы, чтобы задумываться над некоторыми смущающими моментами.

– В общем, девонька, – а вот Черноусу было неловко объяснять такие вещи Селике именно оттого, что он не знал, как все обернется на корабле. Но должна же она знать, чем ей может грозить плен у пиратов? – ты пойми, Каргаш даже среди пиратов особым мерзавцем слыл. Каэлана ему сопротивляться стала и ухо почти откусила, а он, как сам позабавился, ее за это своре своей на потеху отдал. А там уж и до рабов дело дошло. Лис тот говорил, что их не заставляли... но ты сама понимаешь, звери всякие к пиратам в трюм попасть могут – не все порядочные, у кого-то и вовсе рассудок трогается, а кто и раньше подлецом был.

Селика потрясенно молчала и Черноус поспешил быстрее закончить невеселую историю:

– В общем, это все на глазах Сайка происходило, только сделать он ничего не мог. Каэлана умерла вскоре, а корабль Каргаша мы только через шесть сезонов выследили. И уж поверь, спросили с него столько, сколько можно в этом мире спросить.

– Но Сайк уже умер, когда вы за ним пришли? – тихо выдохнула Селика. В глазах белочки что-то щипало – должно быть, соль попала.

– Мы тоже думали, что столько ему не продержаться было, но... нет, он не умер. И даже сейчас жив. Спокойный такой был, когда Крутихвост его на лапах, как диббуна, из трюма вынес. Улыбается и говорит: «Мне домой надо, у меня там свидание. А мы плывем и плывем – долго». Мы тогда первый раз за все время в родной порт пришли – не мог капитан жене без сына показаться, никто и не настаивал, понимали все. И вот вернулись, мать на Сайка поглядела, обняла и померла через месяц – сердце слабое было. Сайк теперь у тетки живет, каждый день на реку ходит – кораблики пускает в том месте, где они с Каэланой познакомились. Все про свидание твердит. Вот потому Крутихвост пиратов не переносит. И корабль им не отдаст, и никого из команды – все силы приложит, сам в Темный Лес отправит, но – не отдаст. Вот такая история.

Селика некоторое время молчала, приходя в себя. Наконец, она упрямо вскинула голову:

– И что мы будем делать, чтобы... не отдать наш корабль?

– А! – обрадовался Черноус и глаза его довольно заблестели, – Вот это я понимаю, ныряльщица! Теперь слушай план...

Глава 4

Неровная цепь следов тянулась через косую полосу пляжа и там терялась в набегающих волнах пенного прилива. По-южному жаркое солнце, казалось, специально зависло в зените, и будто бы даже с интересом склонило увенчанную короной лучистую голову, дивясь игре морских вод с одиноким истерзанным путником. Вот зверь, оскальзываясь, делает шаг, другой... Усталые лапы утопают в мокром песке, каждый шаг дается ему с трудом, а заигравшимся волнам словно и нет до этого дела, они вновь подкрадываются к нему и со смехом вымывают песчинки прямо из-под звериных лап, унося с собой в бескрайние морские просторы. Туда, откуда явился и этот упорный зверь. Должно быть, солнце видело на своем веку немало и более удивительных вещей, но так и не смогло стать по-настоящему безучастным наблюдателем, поэтому продолжало подбадривать мышонка в рваной зеленой тунике своими теплыми лучами.

Мартин упорно двигался вперед, туда, где в какой-то сотне шагов начинался диковинный лес, где под пологом шуршащих в легком бризе листьев пальм, переплетениях лиан и прочих неизвестных мышу растений, он жаждал отыскать спасительную тень и прохладу. А может быть, там найдется родник или речка с чистой

водой? Да даже болотная жижа сейчас устроила бы мыша. Или сочный заморский фрукт, в чьей сладостной мякоти столько влаги, что она брызжет во все стороны, стоит только разломить истекающие соками дольки... Мартин не держал во рту и капли пригодной для питья воды со вчерашнего дня и теперь картины того, как он окунает морду в кристальной чистоты прохладные воды, а потом с жадностью наслаждается самыми лучшими фруктами – мордочка его обязательно окажется перепачкана сладкими соками, но это не страшно, – помогли мышу преодолевать последние метры, делая шаг за шагом...

Обломок мачты остался где-то там, в море... за линией шипастых рифов, неожиданно коварно выросших на пути потерпевшего кораблекрушение мышонка и отделивших его от спасительной земли острова. Поверхность рифов была сплошь усеяна ракушками, чьи острые кромки в кровь изрезали лапы, пытающегося зацепиться за них мыша. Неожиданно сильное течение волокло его вдоль береговой линии и Мартин вовсе не был уверен, что оно, обогнув остров, не унесет его обратно в море. Поэтому он давно уже обломок мачты и изо всех сил цеплялся за камни, обламывая коготки и не щадя лапы. Упорство, как известно, всегда приносит плоды – после того, как Мартину удалось преодолеть полосу рифов, легкие волны, словно стая диковинных добрых рыб, подхватили измотанного путешественника и мягко вынесли на берег.

Вот, наконец, и благословенная тень. Еще шаг и лапы Мартина подогнулись на ровном месте и он со стоном повалился на смешанный с опавшей листвой песок. Мартин сжал его в кулаке и песчинки больно вонзились в ранки. Но и это не помогло. Как же так? Он прошел так далеко, не время останавливаться сейчас, нужно встать, найти воду... Но стоило Мартину приподняться, как силы оставили его окончательно. Единственное, что ему удалось, так это заползти глубже под диковинного вида травянистый куст, чьи зеленые листья отдаленно напоминали папоротник и закручивались тугими колечками на самых концах. Он только немного полежит вот так – совсем чуть-чуть, к тому же зеленая туника сделает его не таким заметным для неразумных хищных тварей, если такие вдруг водятся здесь.

Последним, что видел Мартин, был наглый маленький краб, выбравшийся из норки прямо перед его носом и боком взобравшийся по лапе. Дальнейшего мыш уже не заметил – он просто провалился в сон.

Ночь – время тайн, коварных планов и опасных поручений, она смыкает свой бархатный полог над миром и под покровом ее творятся страшные, иногда мелкие, а

когда и великие, дела. Ночь – время дум и тревожных снов, время ведьмовских обрядов и шаманских камланий, время колдовства и призрачных видений. И она же – время любовных утех, время знойных страстей, время безудержного кутежа и первых сладостных порывов. Она, как знойная красавица сердца южных пустынь – и сказочница, и чаровница, и томная любовница, и неистовая в кровожадности хищница. Дурманит пряной сладостью ароматов, манит сокрытыми тайнами и губит ядом, что огнем разгоняет стылую кровь. И ты, тот кто еще недавно и не знал, что был словно мертв, вдруг пробуждаешься от вечного утреннего сна, чтобы вобрать в себя, увидеть, вкусить – красоту жизни под пологим бездонного моря звезд. И замереть навеки, запечатав в сердце это волшебное мгновение.

Лэнс Хвостодер не считал себя романтиком, он им и не был – пока судьба не забросила его глубоко в сердце южных пустынь. На долю его выпало немало приключений, он видел изрытые гигантскими многоножками скалы, считывал знаки давно исчезнувших полу-диких племен, чей вид и обличие уже не узнать никому из живущих, спускался в тайные подземелья, знал великих вождей и ничтожных царьков, видел отливающую огнем чешую ящеров, летающих на громадных черных птицах и утопал в глазах красавиц, что скрывают пуще золота и драгоценных камней под множеством одежд и покрывал. Но более всего Лэнса, тогда еще молодого крыса, которому лишь предстояло обзавестись своим грозным прозвищем, более всего его жестокое сердце покорили южные ночи.

Мало кто замечает поразительное сходство бездонных морей и бесконечных пустынь. Две противоположности, две беспощадные в своем великолепии стихии, не покоряющиеся никому, но уважающие сильных духом, сердцем и волей. Только там, вдали от мира суетных зверей, их городов и огней дымных очагов – там можно было раскинуть лапы и, обнимая ночь, глядя звездам глаза-в-глаза, почувствовать дыхание мира. Будь Лэнс бардом или поэтом, он написал бы одну из самых пронзительных песен или баллад, что способны тронуть самое черное сердце, он воплотил бы красоту ночи в стихах и мелодии, но... Лэнс был всего лишь корабельным крысом и вожакom вольной пиратской братии. Поэтому он просто гладил когтистой лапой теплый металл помешавшейся на крысиной ладони сферы и полной грудью вдыхал воздух вступившей в свои права ночи.

Отражение полной луны купалось в волнах, разбегаясь множеством отдельных бликов, чтобы вновь стать единым целым. Лэнс смотрел на луну, а она смотрела на него. Почти так же, как десяток сезонов назад.

Легкие юбки взвивались у лап Сарах, кружащейся в танце, и многослойные ткани серебристо-синей волной то обвивали изгиб бедра, то скатывались до тонких щиколоток со множеством звенящих браслетов. Фигура лисицы едва угадывалась за слоями вуалей ее одежд, украшений, этого странного летяще-воздушного великолепия с перезвоном невидимых колокольчиков. Тяжелое багровое покрывало, что обычно укутывало лисицу с головы до хвоста, бесформенной кляксой лежало у порога шатра, отброшенное Сарах, едва та переступила порог. Но и теперь открытыми взору оставались разве что щиколотки, запястья, да палевый кончик хвоста, то и дело мелькавший в ворохе юбок. На голову танцовщицы была наброшена полу-прозрачная вуаль, под которой угадывался массивный обруч, по обычаю пустынных лис прижимавший к голове их большие чувствительные уши.

Ночь уже давно вступила в свои права, и за пределами походного шатра, трофейного, как и две странные облезлые птицы – не способные летать, зато весьма резко передвигающиеся по пустыне на двух чашуйчатых лапах и несущие по десятку зверей каждая, часавые зябко переступали с лапы на лапу. Прочие члены разношерстной шайки кутались в плащи и тянули на носы одеяла во сне. Но здесь, под толстым пологом шатра, у ночных холодов не было шанса потревожить удачливого предводителя и его гостью. В жаровне тлели угли, и источаемый ими жар мешался с ароматами благовоний. Пол устилала яркие ковры и шкуры неизвестных Лэнсу зверей – край одной оказался замаран чем-то подозрительно бурым, но ни Лэнса, ни, что удивительно, Сарах подобные мелочи не смущали. Шелковые подушки манили мягкостью форм и Лэнс с довольной полу-улыбкой развалился на них с кубком вина в лапах и поигрывая длинным когтем с шелковой кисточкой. Молодой, удачливый и беспечный – разве что конец толстого крысиного хвоста подрагивал не то в напряжении, не то в нетерпении.

Сарах до того не видевшая крыс, не могла сказать наверняка, но посчитала это проявлением любовной дрожи, успешно скрываемой крысом в прочих аспектах. Хороший признак – Лэнс казался Сарах отстраненно-холодным и слишком уж сдержанным для какого-то бандита. Дочь Ульнас-хага, владыки Сердца Саахарагской Барханной Земли, и признанная красавица – она привыкла сводить с ума зверей единым наклоном головы, взглядом из-под вуали, шлейфом аромата, изгибом лапы в перчатке. А этот чужеземный зверь смотрел на ее танец едва ли не равнодушно – почти невозможная в понимании Сарах вещь.

Однако, мысли вовсе не мешали танцу, напротив, распаяя танцовщицу. Подвижные пальцы Сарах с короткими, тщательно подпиленными коготками, рисовали в воздухе замысловатые узоры, движения лап были непредсказуемы, но подчинены едва уловимой музыке, запряженных в одеждах колокольчиков, необычайно пластичны и грациозны, как и сама лисица. Ниже своих рыжих сородичей едва ли не вдвое, она производила впечатление необычайной легкости и хрупкости.

Лэнс слышал о пустынных лисах, о том, что те живут разрозненными племенами, часто воюя меж собой (и с прочими народами), их воины славились меткостью стрельбы из дальнобойных ростовых луков и слыли умелыми фехтовальщиками на парных мечах. Они появлялись, будто из неоткуда, брали что хотели, вырезали всех и... исчезали в песках. Фанатично преданные богоподобным вождям, их воины легко расставались с жизнью, умели входить в состояние боевого транса и могли остановить биение собственного сердца усилием воли. О спрятанных в недрах пустыни подземных дворцах – с озерами чистой воды и ломящимися от драгоценностей сокровищницами, тоже ходило немало легенд. Больше лишь о пустынных лисицах дивной красоты, которых никто никогда не видел – разве что издали, под пологом тяжелых покрывал. Поговаривали, что шерсть пустынных сияет сама по себе и от одного взгляда на нее можно навсегда лишиться зрения. Кто-то считал, будто, наоборот, самки пустынных лис настолько уродливы, что стыдятся показываться на глаза кому-либо. Другие же утверждали, что дело тут в древнем колдовстве, умертвляющем всякого, кто взглянет на лису. Впрочем, Лэнс никогда не верил байкам и теперь воочию видел подтверждение этой правоте.

Сарах была красива – и ни один покров не мог этого скрыть. Но, Лэнс так же видел, что она была зверем из плоти, крови и... амбиций. Их небольшой отряд отнюдь не случайно встретился с воинами Акушак-бакши, от которого, к слову, осталось разве что неаккуратное пятно на шкуре, и совсем ничего от его потрепанного отряда. Лэнс знал, кем была Сарах – его ключиком к сокровищнице Сердца Земли Барханов. Но вот что нужно от него самой Сарах – предстояло выяснить. Лисица сама явилась в шатер (здесь неожиданности не было – ночевать под звездами высокородная заложница не привыкла), сама сбросила покрывало, наполнила его кубок вином, добавила пахучих порошков в жаровню, развлекала танцами и... не сказала ни слова. Лэнс уже не сомневался, что планы у лисы грандиозные, но пора бы ей их озвучить.

Сарах изгибалась все более диковинно, наращивая ритм. Грудь лисицы часто вздымалась под расшитой каменьями и полосками металла манишкой. Сарах в своем танце приблизилась уже достаточно близко, чтобы Лэнс не счел это случайностью. Она танцевала, легко переступая через его хвост и даже ни разу не оступилась. Вот лисица прогнулась назад, каким-то чудом не теряя равновесия, а ее передние лапы закружили друг с другом в собственном танце, словно гибкие тела змей, что извиваясь, сплетаются в любовном экстазе. Лэнс дождался момента, когда ее лапы окажутся высоко за головой и одним движением гибкого хвоста отбросил с лица лисы дымный полог вуали.

Звякнули подвески-колокольчики и ткань осталась лежать у лап танцовщицы. Лэнс ожидал притворного возмущения, смущения или естественного удивления, но только

не того, что Сарах вдруг, словно и не прерывая танец, плавным движением «перетечет» на подушки и устроится напротив.

– Ха! – воскликнул он, рассматривая лису. – Сколько еще у тебя сюрпризов?

Посмотреть было на что, надо признать, разгоряченная танцем лиса была прекрасна, хоть вовсе и не светилась в приятном полумраке шатра. Даже на взгляд становилось понятно, что шерсть Сарах была мягкой и нежной, цветом же напоминая топленое одуванчиковое молоко. Столь же тонкие, как кости запястий, черты ее мордочки оказались милы и будто-то бы выточены из камня искуснейшим скульптором. Но самым примечательным в облике Сарах были раскосые, густо подведенные черным глаза. Их цвет напоминал глубины моря в ясный день – не синий, и не зеленый, столь же изменчивый и неповторимый, как стихия.

– Тысяча и один? – рассмеялась Сарах. Голос ее оказался журчащим и звонким, но то, как старательно она выговаривала слова звериного языка, не могло скрыть странный акцент. – Тебе понравился танец, мой господин?

– Пожалуй... да, – протянул Лэнс, неопределенно поведя хвостом. И тут же заметил вспышку яростного негодования, на мгновение мелькнувшего на лице Сарах. Впрочем, та быстро взяла себя в лапы. – Но разве это не Сарах, дочь Ульнас-хага, все зовут госпожой?

– Ты мало знаешь о наших... – Сарах запнулась, кажется, подыскивая подходящее слово на зверином, – обычаях? Да, обычаях. Мой господин спас меня от этого тхранжде мут нараг зи Акуша! И теперь я буду звать тебя именно так, пока мой господин не скажет мне свое имя.

– ...которое ты уже слышала от моих воинов. И ты тоже можешь звать меня Лэнсом, – подмигнул ей Лэнс и на всякий случай убрал подальше хвост. Сарах смотрела ему в глаза с преданностью тысячи солдат, но Лэнса не покидало ощущение, что лиса думает о том, как бы отделить хвост от крыса самым мучительным способом. – Сдается мне, это ты сбежала от отца с Акушем.

В чем-то Лэнс был прав, в этот момент Сарах действительно размышляла о его хвосте, но несколько в ином контексте. Она не сильно переживала об исходе

разговора, да и ход мыслей лежащего перед ней зверя разгадала сразу же. Сарах не без оснований считала себя весьма искусной в интригах хищницей и план ее был продуман давно и даже не требовал существенных корректировок. Акуш или этот чужеземец – какая в сущности разница? Дурак-лис уже кормит пустынных жуков, а этот нахал еще пригодится. В том, что хоть какой-то зверь в принципе способен не поддаться ее чарам лиса не верила. Она рассматривала зверя, так не похожего на виденных ею до сих пор, и оценивала его.

Пожалуй... крыса можно было назвать по-своему красивым – ровно до основания хвоста. Густая двухцветная шерсть – темнее на спине, лапах и морде, под челюстью переходящая в светлый палевый цвет и сохраняющая его на груди и ниже, странная форма ушей и вытянутая хищная морда, сильные, явно привычные к оружию лапы, и острые темные когти. О да, чужеземец привлекал ее неизведанной, столь же чуждой красотой. Он вел себя не так, как прочие, пах странно, смотрел на нее прямо и, кажется, не был обделен хоть какими-то мозгами. Впечатление портил один лишь факт – это... мерзкое червеобразное нечто, заменяющее ему нормальный звериный хвост. Если бы Сарах не видела столь же омерзительные и длинные(!) хвосты у других крыс-бандитов, она бы подумала, что ее «новый господин» болен особенно меркой проказой, от которой уже начал лысеть. Но нет... крысы не проявляли признаков обеспокоенности состоянием собственных хвостов и Сарах вынуждена была признать, что природа столь некрасиво пошутила над этими несчастными. Впрочем, туда можно и не смотреть – да и кому приятно, когда акцентируют внимание на уродстве?

Вместо этого Сарах не отказала себе в удовольствии почти невесомо провести лапой по светлому меху на груди хищника. Куда более грубая, чем привыкла Сарах, шерсть необычно лоснилась под пальцами.

– О, мой господин, зачем же мне сбегать от моего любимого отца и владыки? – Глаза лисицы заблестели от удовольствия, стоило ей вспомнить о своих планах. Той части, что была тщательно подготовлена и приведена в исполнение. – Он воздаст тебе высшие почести и осыплет золотом, когда ты вернешь его несчастную дочь. И он откроет перед тобой... – Сарах подалась вперед и выдохнула в любезно подставленное Лэнсом ухо, – тайную сокровищницу Саахагара.

Сарах отстранилась, а Лэнс некоторое время смотрел на эту... чертовку-заговорщицу! Потом рассмеялся искренне и гортанно. Вино ли так действовало на молодого крыса, или он не остался так уж равнодушен к танцу Сарах, а, может, все дело было в его собственных планах, но Лэнс вдруг почувствовал, что цель его ближе, чем казалось. Он протянул свой кубок Сарах, а сам отсалютовал ей бутылкой:

– Мы пьем за... Саахагар, красавица! – возвестил крыс, делая добрый глоток. – И пусть каждый получит то, к чему шел половину жизни. Кстати, а что сделает твой отец потом, а?

Сарах осушила кубок и струйка вина бордовым ручейком стекла по ее светлому меху на расшитую блузу. Никогда раньше высокородная лисица не позволяла себе столь вульгарного поведения, но тост был воистину хорош, да и крысу это должно понравиться.

– А потом, мой господин, он отрежет тебе голову, – она игриво провела коготком по горлу Лэнса и понизила голос до доверительного шепота, – прямо вот здесь. Ведь ни один зверь не может устоять перед соблазном сорвать покров с алеах-саади, пустынной лисицы из рода хагов.

– А если я скажу, что все покровы ты сбросила сама? – Лэнс перехватил ее лапу – звякнули браслеты, и поднес запястье к морде, вдыхая запах шерсти и притираний.

– Тогда сначала он отрежет голову тебе и всем, кто это услышит, включая собственную стражу, а потом... – Сарах облизнула губы, стремясь скрыть усмешку, – ...ему самому придется умереть, ведь я терять голову не хочу.

– Конечно. Ты хочешь власть и желательна всю, – Лэнс уже успел притянуть к себе лису и та буквально впорхнула ему на колени. В конце концов... такой самочки у него действительно не было. Портовые крыски не обделяли вниманием молодого крысака – отсутствие громкого имени и сопутствующей богатству славе он компенсировал харизмой и легким нравом, да и наличие полного комплекта конечностей, вкуче с приятной мордахой – играло свою роль. Но... Сарах на столько отличалась от них, а Лэнса всегда тянуло к неведомому. – Мне не нужна вся сокровищница, – крыс рассмеялся, заметив удивление Сарах, – мне не нужна часть ее, мне не нужны ваши тайны. Ты достанешь мне одну вещь, которая «затерялась» в вашей пустыне, а я помогу тебе получить твой трон... ну или что-там у вас считается символом власти?

«Странный подход», – думала Сарах, – «но так даже лучше». Впрочем, сейчас она хотела не совсем той власти, о которой говорил Лэнс. Но, можно и объяснить...

– Посмотри туда, мой господин, – промурлыкала она, указывая на крышу шатра. Лэнс пригляделся – в самом центре была круглая полость для отвода дымов жаровни. Сквозь нее проглядывал бархатный купол неба, а на небе... царила круглоликая луна. Она словно заглядывала в шатер. – Скажи: Сарах, Сарах, Сарах!

Сарах засмеялась столь заразительно, что Лэнсу ничего не оставалось, как повторить за ней:

– Сарах, Сарах, Сарах?

– По-вашему, это значит «Луна». И это и есть символ нашей власти.

– Так вот почему... – протянул Лэнс, и пояснил: – твоя шерсть того же оттенка. И, кстати, луноликая принцесса, снимай уже свои платья... иначе поедешь к отцу в дранье, – не удержался он и рыкнул ей в ухо, – Понятия не имею, где здесь застёжки, у меня в твоих платках когти путаются, на кой черт тебе столько тряпок? – закончил он даже несколько неловко.

Под юбками у лисицы оказались какие-то... шаровары. И Лэнс уже порядком запутался во всем этом многослойном одеянии. Сарах оттолкнула его лапы и наградила нечитаемым взглядом.

– Мой господин, – зашипела разгневанная хищница и Лэнс перевел это на звериный, как: «медузоголовый придуркокрыс», – нет большего оскорбления для алеах-саади, чем оказаться раздетой до шерсти! Такой позор непереносим и мы уходим в Темный Лес, лишь только чтобы скрыться от него. Мой господин хочет моей смерти?

– Твой господин ни черта не понимает в ваших... обычаях – ты сама сказала, – заключил Лэнс и попытался успокоить забавно-разбушевавшуюся Сарах и доказать ей, что тем не менее кое-что понимает в других сферах. Последнее – не без успеха. – И как алеах-саади... – крыс проглотил несколько крепких выражений и все-таки подобрал приемлемый вариант: – находят точки соприкосновения?

– Не то что бы это... – вновь прильнула к нему Сарах и оперлась, обнимая за шею одной лапой – коготки легко взерошили шерсть на загривке. Зашуршала юбками. – ...Ах, – выдохнула она, сев глубже, – было проблемой, мой господин.

Лэнс крутил в лапах небольшую сферу, в свете луны отливающую необычного оттенка металлом. «Забавно. Именно та вещица, ради которой он перевернул полсвета, была признана лисами новым воплощением символа их верховной власти»

Подушечки пальцев нежно поглаживали удивительно теплый металл. Вот по нему прошла едва заметная рябь и, казалось высеченные на сфере символы, вдруг сменились совершенно другими. Лэнс уверенно ткнул когтем в некоторые из них и поднес «шарик» к глазам. Перед ним на поверхности странного металла оказалась карта. Еще движение когтей и на карте появились едва заметные синие точки-огоньки.

– Скоро, совсем скоро мы будем у цели, – не оборачиваясь проговорил Лэнс.

Незаметно, как ему до того казалось, подошедший к капитану ласка Бугай бросил тревожный взгляд на сферу в когтях Лэнса. Бугай, единственный на всем корабле, знал о поисках Хвостодера. И хотя вожаку он верил всецело и безоговорочно, магии и прочих потусторонних штук здорово опасался. Вот и сейчас Бугай с недоверием разглядел кусок карты и даже опознал в одной из точек расположение их корабля.

– Зачем кому-то прятать нечто ценное, а потом создавать хитроумную карту? – все-таки решился он задать мучавший его вопрос капитану.

Лэнс молчал некоторое время и Бугай уже было хотел отступить. «Пусть его, если Лэнс в плохом настроении, ответа не дождешься, зато можно схлопотать выволочку – в воспитательных целях». Но Хвостодер и сам раздумывал над тем же, когда первый раз увидел загадочные точки и линии:

– Это не карта к чужому добру, дружище, – выдал, наконец, Лэнс.

Он отлично помнил, как Гарток, бывший капитан «Бешеной Арабеллы», ныне отправившийся на дно вместе с ней, злился, пытаясь пробудить сферу. Уж что только этот упрямый болван не проделывал – окуривал травами, читая непонятную дребедень заклинаний, окунал в реактивы, полировал, подвешивал над картами и раскручивал, палил в огне и катал по столу – вдруг проявится шифр на саже? Даже, отчаявшись, бил кувалдой. Но все оказалось тщетно. Лисья колдовская хреновина едва заметно флуоресцировала в лунном свете – и только.

Гартоку казалось, что эта штука над ним издевается – она уже стоила пиратскому капитану двух кораблей и дьявол морской знает скольких седых шерстин. Он прознал о чудесном талисмানে, компасе, что способен привести того, кто обладает им, к исполнению самых заветных желаний. А чего желать пирату, как не славной добычи? Да пропади оно все, думал тогда Гарток, давно известно, что сбрендившие лисы награбили и уволокли в свои подземные хранилища больше доброго золота, чем вся пиратская братия держала в лапах за сотню лет. Конечно же, тут не могло обойтись без магии! И вот ему представился редкий шанс завладеть чудесной вещицей. Как он мог его упустить? Самый умный, самый ловкий, безжалостный и дальновидный... он ввязался в противостояние с каким-то крысиным не то колдуном, не то шаманом и... Ну, в конце концов, шаман сдох, погребенный в песках вместе с лисами и их поклятыми богатствами, а Гарток умыкнул заветную сферу. Вот только толку с нее никакого не было. Если бы только капитан «Арабеллы» знал, кого взял на корабль, набирая команду, взамен оставшейся в сокровищнице Саахарага. Вот уж воистину проклятое место.

– Никто, кроме меня не может ей управлять, – продолжил Хвостодер. Он и правда, откуда-то знал все комбинации, пальцы будто заранее понимали, что от них требуется, стоило взять в лапы сферу. Тогда же у Лэнса появлялось непонятное чувство, что это только самый край головоломки и он вот-вот осознает нечто важное... – Это осколок тайны, что связана со мной. И я ее разгадаю.

Бугай пожевал губу, потербил хвост, но вспомнил, что это дурная привычка.

– Короче, магия, да-с.

– Я никакой не маг, – Лэнс, наконец, убрал сферу в один из кармашков на перевязи, развернулся к Бугаю и хлопнул того по плечу, – да и ты тоже. Не думай об этом. Магия или нет – а мы управляем своей жизнью сами и только сами.

«И потому мы плывем туда, куда указал этот проклятый шарик», – подумал Бугай, но вслух ничего не сказал. Бугай совсем не знал этот район – частые шторма и коварные течения отбивали у торговцев всякую охоту суваться в эти воды. А если добычи нет – чего здесь делать славным пиратам?

Он взгляделся в ночную тьму – никого. Но дурные предчувствия не желали покидать ласку. «Вот и колено опять разнылось – к неприятностям».

Притаившаяся за внешним краем борта Селика боялась дышать, прислушиваясь к разговору хищников. В зубах белочка держала кинжал Черноуса, но собственные шансы победить двоих пиратов, если ее обнаружат, оценивала здраво – весьма невысокие. Да и тревогу те поднять успели бы в любом случае.

Они с Черноусом выждали момент, когда, казалось, большая часть хищников уснула. Селика должна была подобраться к привязанным у весел товарищам (кандалов и цепей на «Разящем», разумеется, не водилось, так что пиратам пришлось ограничиться обычными веревками и одним не в меру бдительным молодым хорьком), незаметно разбудить и передать им кинжал, чтобы они надрезали путы. Самым сложным было разъяснить всем план, не привлекая внимания пиратов. Чтобы пираты не взяли в заложники диббунов, следовало предупредить и их тоже, но это была задача Черноуса.

Но только Селика подобралась к борту, как оказалось, что не все пираты сладко спят после тяжелого, но вовсе не честного трудового дня.

Примечания (для тех, кому, как и автору, интересны подробности быта пустынных лис хотя бы потому, что больше их в тексте не будет):

Алеах-саади, пустынные лисицы из правящего рода, отличающегося наиболее светлым оттенком шерсти, действительно почитают оголение за самый страшный

позор. Но традиция вовсе не указывает на некое бесправно-подчиненное положение лисиц, все с точностью до наоборот – та берет начало в легенде о лисе-прародительнице, что пожертвовала собой ради своего народа, когда те умирали от жажды в пустыне. Легенда гласит, что в незапамятные времена племя лис, спасаясь от преследования жестоких ящеров, скиталось по пустыне. Ящеры не выдержали погони и начали издыхать в жарких песках, но и лисы более не могли выносить таких условий, и не было ни убежища, ни воды, ни надежды. Тогда юная дочь шамана, что была дивно хороша собой, соблазнила духа Бантарх, что означает «Ветер Несущий Жар». Она ничего не просила у любовника, так как была умна и знала – тот не ведает пощады и хочет погубить ее народ. Но дочь шамана была не только прекрасна, но и дьявольски хитра. Она упростила духа принять звериное обличие, чтобы показать ему больше любовных утех. Тот принял облик огромного красного лиса с сияющими золотом глазами и тогда она окурила Бантарха магическими травами и зачала от него, а после перерезала горло ему и взрезала вены себе, чтобы выпустить всю кровь, без остатка. Кровь смертной и духа перемешались и возникло небольшое озеро. Луна заглянула в то озеро и, пожалев нерожденного ребенка и его мать, превратило кровь в чистейшую воду и отдала лисице свое отражение – в качестве нового воплощения. Так дочь шамана стала частицей лунного света, заключенной в озере. Ее стали звать Алеах, «Отраженная Луна». Племя лис пило воду из озера и восхваляло Луну и Алеах. Но злобного духа Бантарха не так просто было убить, он потерял свою власть над Алеах и ее народом, но решил отомстить любовнице-обманщице и упростил своего отца, духа Земных Недр похоронить под собой всех лис. Так и случилось, над озером сомкнулись своды пещеры и Луна больше не могла помогать Алеах. Та умирала в темноте, но ее дитя, ощущая страдания матери, собрало все свои силы и сотворило зеркало. С его помощью лисы отразили свет Луны и тот вновь наполнил Алеах. Но за волшебство приходится платить и дитя Алеах, родившись, не было духом – из озера вышла лисица с шерстью из лунного света, дочь Алеах. Лисы, что видели ее своими глазами не могли более отвести взор и сходили с ума. Но вскоре свечение начало блекнуть и тогда Алеах явилась дочери в снах и повелела той прикрывать шерсть, чтобы не растерять свой дар. С тех пор алеах-саади, «дочери лунного блика» скрывают дивную шерсть под покровом, чтобы сохранить благословение Луны.

Однако, Сарах лукавит – для того, чтобы избежать позора и не растратить дар достаточно полу-прозрачной накидки или легкого исподнего платья. Как правило, именно так высокородные лисы предстают перед мужьями (или знатными любовниками, коих иметь не возбраняется, особенно если муж ниже жены по иерархии). Но для чужака без положения и рода уже просто видеть лису – слишком много, так что, в понимании Сарах, о раздевании речь не может даже идти. Кроме того, Сарах не упоминает, что отрезание головы для любовника алеах-саади – фактически единственное и закономерное завершение «карьеры». И чем больше разница в положении любовников, тем короче связь. Иное не запрещено, но является дурным тоном. Алеах-саади считают едва-ли не святынями-во-плоти, посему почитается великой честью для простого воина потерять голову (в самом прямом смысле) наутро сразу за дверями дворца. И да, алеах-саади не отказывают. Чем коварные лисицы частенько пользуются, чтобы устранять неугодных (исключая правящую династию, разумеется). При этом именно лис считается главой семьи и формальным господином своей жены. Даже знатные лисицы не могут руководить напрямую, так как положение в обществе пустынных лис завязано не только на кровных узах, но и на военных

успехах. А война считается слишком грязным делом для дочерей, отмеченных духами. Пустынные лисицы, от знатных, до самых низкоранговых, как правило, не изучают военное искусство, повсеместно практикуемое лисами-самцами. Это, опять же, не запрет, но случаи обратного – единичны.

Отдельно стоит упомянуть о ритуалах омовения, кои считаются священным действием и потому сопряжены со множеством условий. Алеах-саади каждое полнолуние совершают обряд погружения в священное озеро (кроме высокородных лисиц в это время в пещере не может находиться никто). Ритуал символизирует единение с их матерью-духом Алеах. В обычное же время лисы принимают ванну в специальных одеждах. Так же существуют одеяния для сушки меха и одеяния для сна. У каждой высокородной лисы есть личные слуги, которые сами по себе являются огромной ценностью – ослепленные с диббунского возраста и специально обученные летучие мыши, ориентирующиеся исключительно по памяти, запаху и ультразвуковым колебаниям.

В целом, пустынные лисы – высокодуховный народ, интриги процветают в высших кастах, в то время как низкоранговые лисы живут сплочено и просто. Лисы разводят карликовых ездовых и мясных страусов, живут на поверхности в переносных шатрах и в глубоких подземных пещерах, промышляют разбоем (фактически на всех уровнях власти) и возводят боевые искусства в самый высокий ранг саморазвития.